

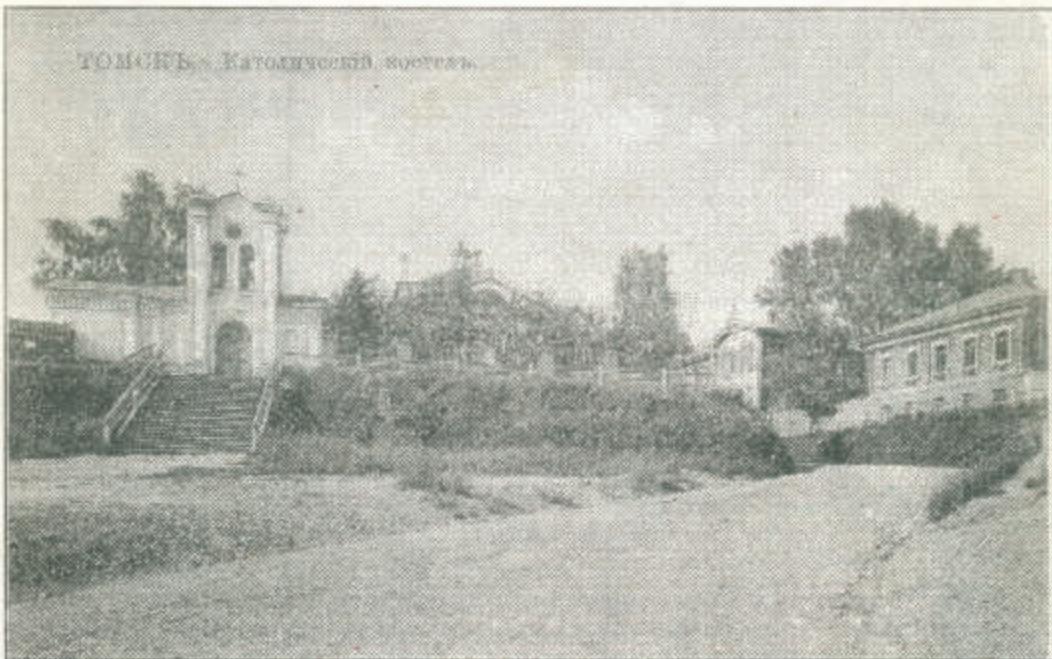
Польской диаспоре в Сибири
четыре века

Czterysta lat
polskiej diasporze

Сибирская старина

ТОМСК. Католический костел.

№ 12 (17)

ТОМСК • 1997

Lucyna Winnicka

Варшавская Сирена

Daniel Olbrychski

Краков

Barbara Brylska

**В
л
а
д
и
м
и
р
К
р
ю
к
о
в**

**П
л
е
н
П
о
л
он
и
и**

Я думаю сегодня: а с чего, собственно, полюбил я эту страну, никогда в ней не побывав, не услышав постороженных рассказов о ней.

И непохожа она на мою необъятную родину - размеры скромны.

Хотя, говорят, у каждого государства есть звездные часы, и когда-то она была большой и грозной и величалась Речь Посполитая. Но нет, я полюбил ее просто Польшей. За гордость и свободолюбие.

В детские мои годы я узнал, что в наши нарымские места были сосланы участники польского восстания против царского режима. Но слышал и о других ссылочных поляках - уже при новой советской эпохе. За что? Об этом как-то не говорилось. Да и многое другое подавалось искаженным или недосказанным. Я знал, что поляки первым приняли на себя удар гитлеровской армии, но не догадывался, какую позорную роль в этом сыграла моя родная страна. Я переживал неудачу Варшавского восстания 1944 года, но, конечно же, не подозревал, что оно было обречено, и кто этому поражению помог.

В журналах и кино Польшу показывали. Тогда я увидел я варшавскую Сирену, суровый и величественный Краков, памятник Шопену. Мой отец, прошедший как воин-освободитель по той земле, с большой симпатией вспоминал полек, воспроизводил несколько фраз, которым научился, и среди них - «дзенскую, пани». Я унаследовал от папаши любовь к полякам (экранным, разумеется). Первой была Люцина Винницка, затем горячавшая юношескую кровь чувственная Беата Тышкевич, и далее - Барbara Brylska, Кристина Миколаевска, Пола Ракса...

Польское кино с ранней поры до сего дня стало необходимой частью жизни. Не нужно, видимо, утомлять перечнем имен и названий, но двух актеров полюбил я преданно и нежно - Эбигиева Цыбульского и Данека Ольбрехского. Первый был внутренне близок (сердце щемило, когда смотрел «Пепел и алмаз»), второму хотелось подражать даже внешне - быть таким же цельным, решительным, резким.

Шопен... Сначала для меня это - траурный марш, но следом - трогательный Седьмой вальс, а в конце 60-х - с пластинки - концерт для фортепиано с оркестром. Это было откровение. В небольшом внутреннем золотом фонде классики он рядом с Первым концертом Чайковского, «Болеро» Равеля, с Гершвином.

В студенческую пору мы слушали и польский джаз, и Чеслава Немена, и «Скальдов», и с особым расположением - «Червоны титары» Северина Краевского. Этот Северин умел удивительно сразу брать за душу, так легко у него получалось. Не понимая польской речи, я укладывал свои строки и замечательные его мелодии, иногда прикидывая про себя: а понравились бы ему мои стихи? В ту пору наши девушки мечтали получить в подарок косметику фабрики «Ролева», какие-то кожаные безделушки - у поляков были стиль и шарм.

В одном доме, где я был потрясен оперой о Христе Кшиштофа Пендерекского, мы начали учить польский. Сожалею, что затем наша не нашла развития, тому виной, правда, серьезные обстоятельства, изменившие сам образ жизни.

Но тогда я выиграл у товарища бутылку вина, потому что он заспорил, что в слове «дождливый» не может быть двойной «dz» - «dzdzysti».

Оказывается, может.

Польский авангард в живописи и музыке меня не тронул. И великий Сенкевич прошел по касательной. Зато поэзия - от Норвида до Тувима - достала сердце. Конечно, я читал ее в переводах, но и переводили поляков наши большие мастера.

Я все говорю о проявлениях культуры. О жизни страны я знал мало. Не воспринимать же всерьез как последнюю правду мажорные репортажи со страниц журнала «Польша». Я знал, что земля там не райская и климат тоже, что народ живет непросто - до благодеяния далеко.

Некоторые пытались мои пропольские настроения изменить. Говорилось о польской фанаберии (давили авторитетом Достоевского), что-то приводили из личных впечатлений, про то, как непрязненно относятся они к нам, русским. Ну а почему надо было ждать другого? Разве не «ходили мы походами» по чужим полям?

(Окончание на 3-й странице обложки)

Сибирская старина

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 12 (17) — 1997 г.

Вы
не увидели бы
этот номер
альманаха,
если бы нам
не помогли
посольство
Республики
Польша,
отдел национальных
и межнациональных
отношений
 администрации
Томской области,
польский центр
«Белый Орел»
(г. Томск) и
благотворительный
фонд имени
П.И.Макушина.

ЯЯКОВЛЕВ. Европа и Сибирь («Вы сотни лет глядела на восток...»)	2
Из книги П.М.Годнинчева «Томск в XVII веке»	4, 6, 7, 9, 10, 11, 12
Г.ГОЛУБЕЦКИЙ. Пересечение судеб	5
Б.ЩОСТАКОВИЧ. Сибирская история поляков: достижения и задачи	8
В.СОНЧИК. Декабрист Выгодовский	10
Н.ДМИТРИЕНКО. Полавки играли заметную роль в жизни Томска...	12
В.БУБНОВИЧ. ...Алтая...	14
Ф.ПОКАЗАНЬЕВ. ...Сургута	15
На четвертой странице обложки	17
Г.ЗУБАРЕВА. История одной шкатулки	18
Чехов о поляках в Сибири	19
С.САВИЛОВ. Семья Соболевских	20
В.СУЭДАЛЬСКИЙ. Родом из привилегированного города	21
Т.СТЕПАНСКАЯ. Архитектор Носович	23
Л.ОВЧИННИКОВА. Судьба Казимира Зеленевского	24
Ю.ФЕДОРОВ. Римско-католическая церковь	27
И.СЕМЕНОВА. Благотворительное общество	28
В.ПОЛЫГАЛОВ. Польские ордена	29
А.КАЗАЧКОВ. О А.И.Лаврентьеве	31
Э.МАЙДАНЮК. Сибирский характер элегантной пани	32
Э.МАЙДАНЮК. Телами пришел из Варшавы	34
В.МАНЬКОВСКИЙ. В огне революционных бурь	35
Кто на снимке?	38
В.КРЮКОВ. Вспомнить иска	38
Ч.БАЗАН. Этапы горя	40
Ю.РАССАМАХИН. Колнашены помнят	43
В.ХАНЕВИЧ. Польдоверенный Конецкий	45
Л.МОРАВСКА-УХРЫН. Тепло Сибири	46
М.СТЕМПКА. Мечта моей жизни	46
Польские национальные центры и общества Сибири и Дальнего Востока	48
В.ХАНЕВИЧ. Уважаемый читатель «Сибирской старины»!	48

На 1-й странице обложки: Томский католический костел.

На 2-й странице обложки: акварель Л.Курилович «Старый дом».

Сибирская старина

Краеведческий альманах

Редактор

А. Б. КАЗАЧКОВ.

Соредактор

В. И. СУЗДАЛЬСКИЙ.

Соредактор номера

В. А. ХАНЕВИЧ.

Ответственный

секретарь

Е. М. ЗЫРЯНОВ.

Главный художник

В. А. МАРЬИН

(Ганновер).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**С. П. ВАВИЛОВ,
Н. М. ДМИТРИЕНКО,
Б. Н. КЛИМЫЧЕВ,
В. М. КРЮКОВ,
Э. К. МАЙДАНЮК,
Л. А. УСОВ.**

Адрес редакции:
634024, Томск, а/я 1098.
Телефон: 78-90-74.

Опубликованные
материалы
не всегда совпадают
с мнением редакции.

Ссылка при перепечатке
обязательна.

УЧРЕДИТЕЛИ:
общественное объединение
«Сибирская старина»,
областная научная библиотека
им. А.С.Пушкина.

© ТОО "ДЕЛО", 1994.

Тираж 2000 экз.

ЕВРОПА И СИБИРЬ

«ВЫ СОТНИ ЛЕТ ГЛЯДЕЛИ НА ВОСТОК...»

Европа и Сибирь. Не кажется ли это сочетание странным? В сознании многих сибиряков, а тех, кто не чурается исторических знаний и тем паче, такое соседство представляется нелогичным. Между этими двумя понятиями вроде бы всегда исторически должно стоять третье - Русь. Однако есть факты, не укладывающиеся в эту привычную схему и подводящие к мысли о весьма давних связях, хотя и неблизких, но все же соседей по евразийскому континенту.

Археологам известно по крайней мере пять вещей западноевропейского изготовления, найденных в Западной Сибири, - два бронзовых подолея, две серебряные чаши и серебряная же крышка. Все эти высокохудожественные изделия вышли из-под рук германских и французских мастеров в XII - XIII веках и, скорее всего, попали в Сибирь спустя немного времени после этого. В поле зрения специалистов раритеты оказались очень давно - настолько давно, что водолеи успели погибнуть в огне пожара Кунсткамеры в 1747 году, а одна из чаш, вернувшись с Востока на свою историческую родину - во Францию, отправиться в новое путешествие - на этот раз на запад, в Нью-Йорк.

Более века не баловала сибирская земля подобными находками. И вдруг в течение одного десятилетия - сразу две! В 1970-х годах на территории Барабинской низменности в Новосибирской области был обнаружен средневековый европейский меч, а в Среднем Приобье - в Колпашевском районе Томской области - бронзовая художественная чаша. На последней находке мы и остановимся подробнее.

Она, обернутая берестой, была случайно увидена местным жителем торчацией на глубине 80 см из правого берега Коннеровской протоки в 4-5 километрах ниже поселка Тогур по Оби.

Чаша, на удивление, прекрасно сохранилась. Она изготовлена из бронзы и имеет круглую форму. Диаметр устья - 291-294 мм, диаметр плоского дна - около 175 мм, высота - 46-50 мм.

Дно и внутренние стенки чаши заполнены гравированным орнаментом. В центральном медальоне на дне

изображена фигура сидящего человека в просторных одеждах с короной-нимбом на голове. В его согнутых в локтях и разведенных в стороны руках зажато по книге. В композицию этого рисунка введено слово «HUM-KI-T-AS» (правильно «humanitas» - «человеколюбие»), а по контуру медальона помещена круговая надпись «NAC RADICE BONANASCITUROMNE BONUM» («Из этого доброго корня произрастает вское благо»). Вокруг медальона на дугообразной плоскости перехода дна и стенки в крестообразной композиции группируются 4 погрудные антропоморфные фигуры в иконографии, подобной медальонному персонажу. Они олицетворяют христианские добродетели, что подчеркнуто надписями вокруг их голов: у верхней - «FID-ES» («вера»), у правой - «SP-ES» («надежда»), у нижней - «PARI-TAS» («равенство»), у левой - «PACIE-NTIA» (правильно - «patientia» - «терпение»). Остальную поверхность стенок занимает стилизованный растительный орнамент с четырьмя повторяющейся по окружности группой слов - названий пороков: «OD-IUO» (правильно - «odium» - «ненависть, вражда»), «PE-CCA-TU» (правильно «peccatum» - «прегрешение»), «DO-LUS» («хитрость, лукавство»). Во всех надписях заметны ошибки в написании слов и небрежность графики.

Когда в 1992 году я впервые увидел эту чашу в хранилище Колпашевского музея, то оказался в недоумении - чаша была яркой, но совершенно незнакомой, она напрочь выбивалась из круга привычных и хорошо узнаваемых сибирских древностей. Встал задача ее атрибуции, то есть определения возраста, места и условий изготовления, исторической

судьбы. А это дело нелегкое и небыстрое. Пришлось рыться в библиотеках, возить чашу по музеям Сибири, в Москву... И выяснилось ошеломляющее: такой чаши нет ни в одном сибирском музее, более того - нигде в Азии. Находка из Колпашевского района - единственная на территории от Урала до Сахалина!

Наиболее полную сводку таких чаш составил польский археолог Т. Поклевский в работе «Misy brązowe z XI, XII i XIII wieku», опубликованной в 1961 году в Лодзи. Незначительные более поздние уточнения были внесены его российским коллегой В.П. Даркевичем.

Так вот, по данным этих исследователей, до обнаружения сибирского экземпляра в мире насчитывалось 156 подобных чаш, большинство - в обломках. Только 32 из них были украшены гравировкой в виде чело-

веческих фигур, растительных узоров и надписей на латыни. Это еще более подчеркивает ценность тогурской находки.

Все чаши изготовлены в XII-XIII веках в германских землях - Лотарингии (низовья рек Мааса и Рейна) и Нижней Саксонии (низовья Эльбы). В это время в Западной Европе, и Германии в том числе, происходила бурный сплеск городского ремесла. Мастера от отдельных индивидуальных заказов начали переходить к выпуску продукции, ориентированной на рынок. Это коснулось и художественной утвари - как светской, так и литургической (церковной).

Выброс массовой продукции западноевропейских ремесленников на рынки повлек за собой ее распространение далеко от центров изготовления. Так, район обнаружения романских чаш охватывает сегодня Западную, Сред-

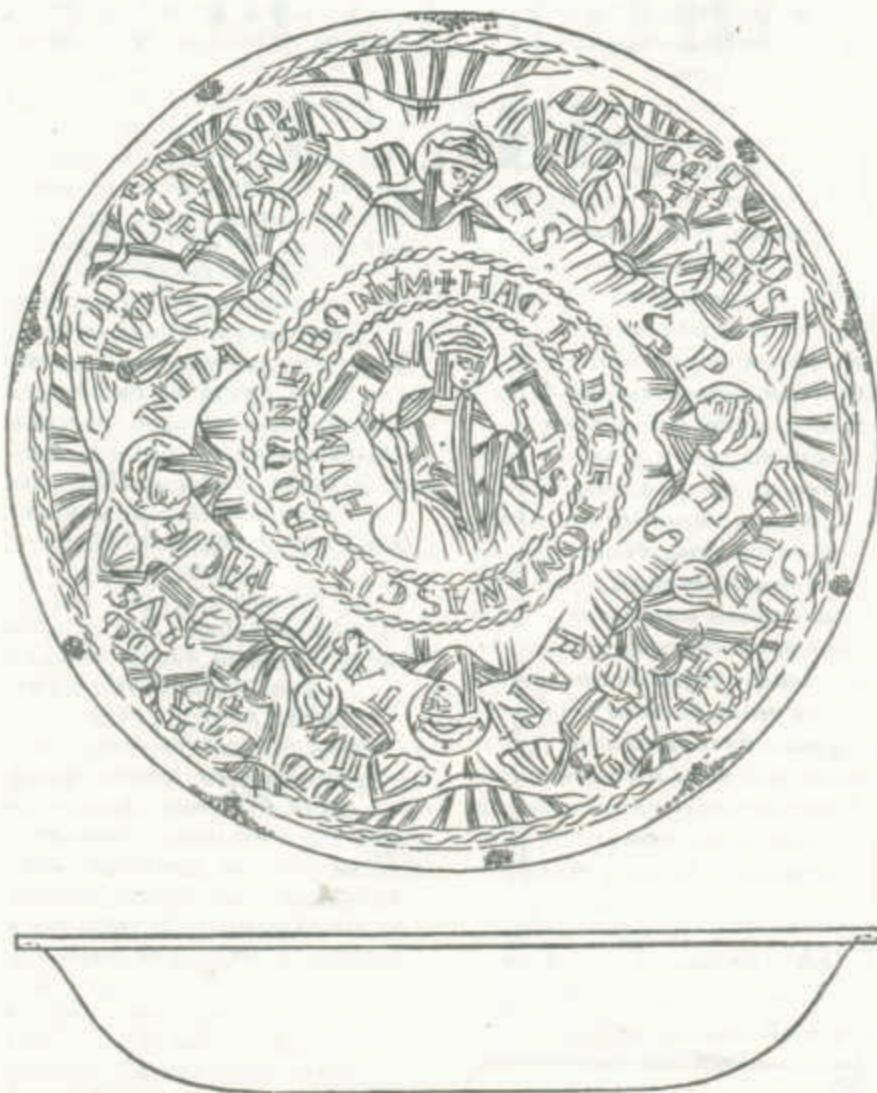
нюю и особенно Восточную Европу. Обломки трех из них зафиксированы даже на землях древнерусских княжеств. Достаточно часты такие находки в Польше и Восточной Прибалтике.

Это связано с усилившимися колонизаторскими и миссионерскими устремлениями Германии, пронедшими также на XII-XIII века. В обозах движущихся в Прибалтику немецких рыцарей, священников и купцов ехали на восток и бронзовые чаши. Часть их оседала по дороге в Польше, другие благополучно доехали до земель христианизируемых ливов, эстов и латов. Здесь они помещались в возводимые немецким духовенством костелы, где, возможно, использовались для святой воды. Аллегорические рисунки христианских добродетелей и грехов должны были служить для вчерашних язычников наглядной пропагандой новой религии. Впрочем, по мнению специалистов, чаши могли использоваться и в светском обиходе.

Любопытно в этой связи, что именно в Риге была обнаружена аналогичная сибирскому экземпляру чаша, однако с надписью противоположного содержания: «Из этого дурного корня произрастает всякое зло». Очень большое сюжетно-стилевое, орнаментальное и эпиграфическое сходство тогурской находка обнаруживает также с чашами из Херсонеса, эстонского города Кальви, польской Филипповки, германского Штаде, голландского Роттердама.

Итак, первая задача по определению места и времени изготовления чаши, расшифровке орнамента и надписей решена. Остается узнать, каким образом вещь, родившаяся на берегах Рейна или Эльбы, могла попасть на берега Оби. Ведь изготовлена она за три века до массового появления в Сибири русских. А западноевропейская речь прозвучала на этих землях еще позже. Пока в решении этой проблемы мы можем идти лишь зыбкой дорогой догадок и гипотез.

Не исключено, что до монголо-татарского нашествия, прервавшего русско-европейские связи, чаша могла попасть в Приобье транзитом через

Чаша XII-XIII века (Западная Европа),
найденная в Колпашевском районе Томской области.

Русь. Славяне и германские города начали торговать еще с X века. А в XII веке произошло знаменательное совпадение. С одной стороны, как уже отмечалось, западноевропейские мастера начали работать на рынок, и их продукция хлынула на посток. С другой, как известует из археологического материала и русских летописей, в это же самое время новгородские землеходцы начали активно проникать в районы Северного Зауралья и Западной Сибири. Они-то и могли прихватить в дорогу купленную у «ромейского купца» чашу с мыслью выгодно обменять ее у «югры» - обитателей нижнего течения Оби - на пушину.

Впрочем, это же самое могли сделать и зыряне, которые до XIII века успешно торговали со скандинавами на западе и с «юграй» на постоке.

В какой-то мере возможна и версия совсем недавнего по меркам исторического времени попадания чаши в Приобье. После восстания 1863-1864 годов в Царстве Польском более 6 тысяч его участников были направлены в Томскую губернию, в том числе и в Нарымский край. Условия переселения позволяли осужденным брать с собою семью, какой-то запас вещей. Нельзя исключать, что именно таким образом из Польши или Литвы одна из чаш могла попасть на берега Оби.

«Вещи, как и люди, имеют свои судьбы - иногда трагические, иногда загадочные... А иногда - провидческие. Чаша, изготовленная в Германии, прошедшая через Европу и древнерусские княжества, преодолевшая Урал и половину Азии и объединившая своей биографией судьбы европейских католиков, русских православных и сибирских язычников, на семь веков предвосхитила нынешний день Сибири с ее этнической пестротой обитателей, многообразием связей и веротерпимостью».

Но поиск не заканчивается. Прошлым летом во время археологических раскопок в том же Колпашевском районе нам попалась еще одна

чаша. На первый взгляд, из тех же мастерских Лотарингии или Нижней Саксонии. Изучаем, сопоставляем, думаем... Нет, судьбы Европы и Сибири не так уж далеки...

Яков ЯКОВЛЕВ.

Рисунок чаши

Валерия СЛУЖИВЦЕВА.

г. Томск.

Великий государь,
великий князь
Федор Алексеевич
указал
стольнику и воеводе
князю
Ивану Михайловичу
Кольцову-Мосальскому
против наказу,
каков ему дан
на Москве,
будучи на государевой
службе в Томску
велено детям боярским
и иноземного списка,

Литву
и конных и пеших
казаков разобрать,
которые
в государеву службу
годятся, в полковую
и в городовую,
и которые
за старостью и
за ювельем не годятся
в полковую и городовую
службу и сколько
лет служат и по
какому государеву
указу верстаны
в дети боярские
и в кои казаки
и какого они чину
наперед сего были
и каких отцов дети,
о том велено

у них взяти списки
за их руками и велено
в разборном списке
написать под их
имени 141 [1623] год.

Из книги
П.М. Головачева
«Томск
в XVII веке».

Были у меня две бабушки.
Две бабушки, две Аннушки.
Одну так и звали Аннушкой,
а другую -

Анной Станиславовной.

Дел по матери

кровь русскую мне дал

аж из деревни Собакино,

Арзамасского уезда

Нижегородской губернии.

А по отцу - лихой коктейль

на белорусской, литовской,

немецкой и польской кровушкы.

Соединилось все это во мне

в земле забайкальской,

на берегах небольшой речушки

под названием Хилок,

что бежит между сопок

к матери Селенге

и вместе с ее водами вливается

в воды леда Байкала.

Многие годы для меня Хилок

был игристым, искристым

от забайкальского солнца

другом далекого детства.

Все летние каникулы

мы проводили на его берегах

и не ведали,

что эта маленькая речушка

в той или иной степени

связана с судьбами многих

людей, народов, эпох, религий.

Тридцать шесть тысяч лет назад

на берегах Хилка существовала

оригинальная культура,

в наше время называемая

археологами толбагинской.

В далекие монгольские времена

река была одной из восточных

границ между христианским

миром и землями религии Бон.

На берегах Хилка в 1180 году

произошла первая битва

Тэмуджина, которую А.Н.Гумилев

характеризует так:

«...событие, давшее начало

цепной реакции, результатом

которой было возникновение

монгольской империи».

Через полтора года после

этой битвы Тэмуджин был

пронизан и спасен Чингисханом.

Спустя 473 года, пройдя по

этой реке с казаками,

Петр Бекетов проложил путь

присоединения части бывших

родовых земель Чингисхана к

будущей Российской империи.

Круг замкнулся.

А первым русским воеводой

«новой Даурской земли» стал

правнук выходца из Польши

Афанасий Пашков.

Небольшая речушка,

Годы. Века. Судьбы.

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ СУДЕБ

«ЖИТИЕ» Аввакума - огненный памятник России XVII века. Он, как «огнь во пещи», спасил многие судьбы россиян - современников мятежного протопопа.

«Аввакум и драгоценном житии своем и является не один, но окруженный целой дружиной подобных ему богатырей...» - пишет историк С.М.Соловьев.

В этой «дружине» - патриарх Никон и сторонники Аввакума, юродивые и дикие силы толпы, женщины-мученицы и сибирские военводы с их подчас неудержимой жестокостью.

Все эти люди оставили след в жизни протопопа - в стычках, столкновениях, в помоицах и радости были рядом с ним.

Долгие годы в сибирской ссылке день за днем шли рядом с Аввакумом отец и сын Пашковы - потомки поляка Григория Пашкевича, перешедшего на русскую службу при Иване Грозном.

До того, как судьба спела их с протопопом, Афанасий Пашков с сыном Еремеем немало сделал для российской короны в освоении Сибири.

Россияне, стремительно осваивая в XVII веке сибирские земли от Урала до

Тихого океана, на берега которого в 1639 году вышли томские служилые люди под предводительством десятника Ивана Москвитина, хотели подробно познакомиться со своими владениями на морской окраине восточной части Сибири.

«Донесение королеве Христиане из Москвы 28 апреля 1652 года», написанное шведским торговым комиссаром Иоганном де Родесом, сообщает, что Россия стремится основать Даурину и предпринять путешествие к берегам Америки со стороны Сибири: «*Тогда же уехали по Волге на нескольких больших лодках 2000 стрельцов, которые должны [отправиться] в Казань и, как полагают, они посланы в Сибирь для подкрепления ... войск. Идет также слух, что решились отправить туда несколько чужестранных офицеров для их предполагаемого путешествия в Америку (Ашегиса)...*».

Далее де Родес сообщает, что главой похода назначен князь Иван Лобанов. Российские источники подтверждают, что под «окольничего и воеводу И.И.Лобанова-Ростовского» на берегах Енисея под руководством енисейского воевода Афанасия

Пашкова и его сына Еремея были построены 202 дощаника для «даурского похода». За быструю и хорошую постройку этих судов отец и сын получили золотые отглички.

В 1654 году путь от Енисея до Шилки был впервые разведен и освоен «лучшим боярским сыном» Петром Бекетовым, которого в забайкальский поход направил енисейский воевода Афанасий Пашков.

Бекетов по Енисею и Ангаре дошел до Байкала, поднялся по Селенге до реки Хилок, полоком перейдя через Яблоновый хребет, по Ингоде спустился к Шилке. И кто знает, на сколько десятилетий раньше русские вышли бы со стороны Сибири к Америке, но поход был отменен. Вероятно, причиной явилась очередная война России с Польшей. Первопроходец же земли забайкальской закончил свои дни в Тобольске, столкнувшись в яростной ссоре с архиепископом Симеоном Сибирским и сосланным в Тобольск протопопом Аввакумом.

В ОДИН из отъездов архиепископа из Тобольска протопоп, преследуемый дьяком Иваном Струной и его сторонниками, целый месяц мучился, «от них бегающи»*, пока не вернулся Симеон и не «посадил ево, Струну, на чепь...» А случилось вот что: «...человек некий з дочерью кропосмешение сотворил, а он, Струна, взяв с мужика полтину, не наказав отпустил. А владыка ево за сие сковать приказал и мое дело тут же помянул». Но Струна «сказал слово и дело государево» на опального протопопа, и тогда отдали Струну как политического доносчика под охрану властей: «отдали ево сыну боярскому лутчему Петру

* Аввакум неоднократно перерабатывал «Житие», поэтому данные цитаты могут не совпадать с текстом, который под рукой у Вас.

Бекетову за пристав. Увы, Петру погибель пришла!.. архиепископ по правилам за вину кровосмешения стал Струну проклинать в церкви. Петр же Бекетов, в то время браны архиепископа и меня, испод ис церкви, избесился, идучи ко двору, и пад, издаче, горюю смертию умре. Мы же со владыкою приказали ево среди улицы вергнуты плом на снедение...».

Так закончилась жизнь основателя Якутского и Читинского острогов, одного из лучших первоходцев, которого в свое время снарядил енисейский воевода Афанасий Пашков «по государеву указу... на его государеву службу на Иргенъ озеро и на великую реку Шилку...».

И прошел Бекетов по последнему неизведанному пути из Енисея к океану, и вернулся, описан этот путь в «Отписке», которая вошла в сокровищницу русской литературы, а принял смерть не от прауга, не от лиха и мучений.

Смигнувшись архиепископ с протопопом и решили, что грех Петра Бекетова «...отпустится ему в день века от Господа: жалея Струны, такову пагубу принял. И по трех днех тело его сами честные погребли. Полно того говорить плачевнова дела».

Говорить, может быть, и «полно». Но не ведал в то время непримиримый протопоп, отневая лежащее перед ним тело, что уже догоняет его царский указ, который отправит Аввакума из Тобольска в Енисейск к воеводе Пашкову.

Афанасий по царскому указу был направлен в Даурскую землю первым воеводой. «В товарищах» у него был сын Еремей. Аввакума «...егда в Енисейск привезли, другой указ пришел: велено в Дауры вести...».

И пошли по пути Петра Бекетова три близко знавшие его человека.

ЗНАЛ ли Пашков о том, как закончилась жизнь его сородича, и о роли протопопа в этой кончине? Вероятно, и может быть, узнал от самого Аввакума. Было ли это одной из причин их страшных взаимоотношений? Неведомо. Сам протопоп

Иван Васильев сын Болтовской:

томский сын боярский

сказал, родом он польской земли, взят в Чевеле и привезен к Москве, а как был размен и он в свою землю не пошел и по чебобитью пожалован в дети боярские в Томске. Оклад учинен на Москве: денег 14 рублей, хлеба 12 четей ржи и овса, 3 пуда соли и служит в Томске 15 лет. Детей у него два сына: Мишка 9 лет, Афонька 5 лет, пашни за них нет. С собой молод, только беден.

Из книги П.М.Головачева «Томск в XVII веке».

напишет лишь: «...с Москвы от Никона ему приказано мучить меня».

XVII век России был временем смуты, войн, становления новой царской династии и веком грандиозного освоения обширных пространств Сибири.

Сибирские воеводы, по образному определению С.М.Соловьева, - русские Кортесы и Писарро, «... которые ходят на присыки новых земель и которые совершение разнуждались в далекой стране среди диких зверей и диких людей».

«Егда приехали на шаманский порог, - вспоминает начало похода Аввакум, - навстречу нам приплыли люди, а с ними две здобы - одна лет в 60, а другая и болши. Пловут постригшиеся в монастырь. А он, Пашков, стал их ворочать и хочет замуж отдать. И я ему стал говорить: «По правилам не подобает таковых замуж давать». Он же, осердясь на меня, на другом пороге стал меня из дощеника выбивать: «Еретик-де ты; для-де тебя дощеник худо идет! Поди-де по горам, а с казаками не ходи!» Горе стало! Горы высокие, лебри непроходимые; утес каменой яко стена стоит... На те же горы Пашков выбивал меня со зверми винтать».

И написал Аввакум своему мучителю «писанийце», в котором упрекал воеводу, что возвели он себя выше Бога, без границ распоряжаясь судьбами человеческими. И послал воевода за протопопом людей, те «взяли мой дощеник и помчали к нему, - версты с три от него стоя... Взяли меня палачи, привели пред него. Он же стоит, и

дрогают, шпагово потрясшись. Начал мне говорить: «Пой ты или роскошь? И я отвечал: «Аз есмъ Аввакум, протопоп; что тебе дело до меня?»

Рассыренел воевода, сбила с ног протопопа, чеканом трижды по аввакумовой спине ударила и, раздав его, семьдесят два рубца заставила кнутом полоснуть, выбивая слова о попадье. Но лишь Бога в мучениках призывал Аввакум: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помогай мне!» Еремей попытался заступиться за Аввакума, но бросился со шпагою разъяренный отец на сына. Потом протопоп вспомнил об Еремее с великим добротою: «...друг ми тайной был и страдал за меня». Постоянным был отец в лютости своей, упрям и настойчив в доброте душевной восставал против Афанасия его сына.

НА Падун-пороге своюправная Ангара пронесла на своих чистых водах сквозь мешанину камней сорок дощаников казачьих, а афанасьеву ладью бросила на камень, смыла холодной водой людей. Боярьши в дощанике, а Афанасий на берегу - ярится, кричит. И подошел к нему Еремей и стал отца упрекать: «За трех, батюнко, наказует Бог! Напрасно ты протопопа - тово кнутом тем избила. Пора покаяца, государь!» Он же рыкнула на него яко зверь». Схватил Афанасий пиццаль и направил ее на сына, спустя курок - осечка. Поправил порог, вновь нажал на курок - снова осечка. Еремей стоит, прижалвшись к сосне. Только Бог ведает, что творится в его душе, а отец снова пиццаль на сына, и в третий раз - осечка. В

иности бросил Афанасий оружие на землю. Поднял его от греха подальше молодой казак - и пистоль выстрелила.

Опустился на землю Пашков, сел, отходя от гнева, задумался. Обхватил голову руками, очищаясь слезами, размигчился: «Согрешил, окажиной, пролил неповинную кровь! Напрасно протопопа бил, за то меня наказует Бог! Чудно!.. Доценик сам покаяния ради с камени спыл и стал носом против воды. Потянули - и он избежал на тихое место. Тогда Пашков, сына своего призвав, промолвил ему: «Прости, барте, Еремей, правду ты говоришь». Он же приступил и поклонился отцу».

То ли была, похожая на сказку, то ли сказка, похожая на быль. Сам протопоп пишет, что о схватке отца с сыном рассказал ему кормщик Григорий Тельной.

НЕСПОКОЙНО в то время было в «землицах» за Байкалом. В свое время Петр Бекетов, оставивший новый путь к Амуру, выполнил и другую важную для России задачу: «...брацких и тунгусских призывать под государеву царскую высокую руку и ясак с них государев сбирать». Но ответила отказом служивым людям

Бекетова монгольский царевич: «...и так мы своих ясачных людей государю нашему... поступались...», с тех людей, что по Ангаре-реке и в Прибайкалье живут, вот там пусть русские ясак свой собирают, «которые же брацкие и тунгусские люди за нами живут, мы деси с них станем на себя ясак собирать».

Соперничество в господстве приводило к столкновениям. Направил во время своего похода первый даурский воевода «...сына своего Еремея в Мунгальское царство воевать. - казаков с ним 72 человека да тунгусов 20 человек», - пишет протопоп. Но, принимая решение, обратился не к Богу за помощью Афанасий, а к шаману, чтобы тот предсказал исход дела. Предсказаны были победа и богатство.

Вознегодовал Аввакум: «Во хленице своей с воплем Бога молил, да не возвратится всиши ни един, да не сбудется пророчество дьявольское». Ярился на отца Аввакум, но сына Пашкова жалел: «...не страдал ли Еремей ради меня, паче же ради Христа?». Стал Бога молить - подадите Еремея.

Шли дни. В оговоренный срок отряд не вернулся. Пашков с Аввакумом глаз не спускал, зная, что тот о гибели

отряда Бога молил. Осунулся от дум - крут был, но сына любил, да и воеводская жалость к людям отряда душу терзала. Обратил свою боль и гнев на протопопа. «Во един от дней учредил застенок и огонь раскал - хочет меня пытать». Бегут палачи к Аввакуму. Но и это же время Еремей «сам-друг дорожко едет». Закончился бесславный поход. Отряд побили, раненого Еремея «иноземец» от монголов увел. Семь дней брел Еремей горами, забайкальской тайгой, чудом жив остался.

КОГДА ведал историю сын отцу, Аввакум пришел поклониться. Поднял очи Пашков: «Так-то ты делаешь! Людей тех только погубил!». Чем бы кончилась стычка - неведомо, но умона Еремей протопопа уйти, чтобы новой скоры не вышло.

Проходят годы, и напишет Аввакум, вспоминая схватки с Пашковым: «Десять лет он меня мучил или я его - не знаю, Бог разберет». Но в челобитной царю и в записке не за себя - за людей осудил воеводу жестоко: «А иши твои, государевы-световы, казаки... в то время многие помирали от твоих воеводских налог и муки».

Но просил царя протопоп спасти душу Пашкова: чтобы не губил христианства впередь, в монастырь его постричь. И еще просил Аввакум: «...не вели, государь, ему Афонасию, мстити своим праведным гневом царским, но взыщи его, ико Христос заблуждене отца. Адама».

Еремей после Даурского похода был воеводой в городах российских, стал стольником, а в 1676 году был назначен в Казанский разрядный приказ.

СОЕДИНИЛА великая книга Московского государства пути и судьбы многих людей, встречавшихся в жизни мятежного Аввакума:

Не ведал Григорий Пашкович, перейдя на службу России, что ближайшие его потомки пройдут неизвестными сибирскими путями, что судьбы их пересекутся с судьбами великих россиян, а имена и дела отразятся в памятниках русской литературы.

Геннадий ГОЛУБЕЦКИЙ.
г. Томск.

История поляков в Сибири - тема, которой в последнее время начинают отводить свои страницы многие российские издания, и не только провинциальные. Поэтому вполне естественно и закономерно, что в томской альманах «Сибирская старина» посвящает этому отдельный свой номер. Томск - исторический и культурный центр обширного западно-сибирского региона - всегда оставался органически связанным с «сибирско-польской» историей, составляя один из ее неотъемлемых компонентов.

До недавнего времени сибирско-польская тема не была обследована в историографическом отношении. Впервые осуществленные автором данных строк воссоздание историографии предмета и общий ее анализ показали, что она насчитывает уже более 120 лет. Ее зарождение восходит к периоду последней трети XIX века и связано с такими именами, как Агатон Гиллер, Сергей Максимов и Зигмунт Либрович.

Признавая бесспорную источниковую значимость всего сибирско-польского наследия А.Гиллера и его очевидный приоритет, нельзя умолчать и об определенных ошибках, путаных и подчас категорично-поспешных заключениях этого автора. В то же время он первым разрушил стереотип простого мемуарного описания и добровольно взял на себя обязанности историографа сибирской ссылки поляков, которую стремился рассмотреть максимально широко, включая в нее весь спектр вопросов общественно-политической жизни Забайкальского «края изгнания» (ему он посвятил свой трехтомный труд).

В результате работа, которая дала основание польскому исследователю Я.Трынковскому образно и вместе с тем аргументировано назвать Гиллера «Геродотом» сибирско-польской истории XIX века.

Переходя к фигуре С.В.Максимова, чье широко известное в российском обиходе сочинение «Сибирь и каторга» немало способствовало распространению сведений о ссылке в Сибирь в прошлом веке поляков, считаем необходимым подчеркнуть одно немаловажное и до сих пор почти

СИБИРСКАЯ ИСТОРИЯ ПОЛЯКОВ: ДОСТИЖЕНИЯ И ЗАДАЧИ

не отмеченное исследователями обстоятельство. Дело в том, что в основу раздела о польской ссылке в Сибирь С.В.Максимовым положено реферативное изложение значительных фрагментов из вышеупомянутого труда А.Гиллера. Безусловно, в этом вопросе еще предстоит разобраться будущим исследователям.

З.Либровича принципиально выделяет преодоление стереотипа восприятия и трактовки истории поляков в Сибири как одностороннего мартиролога. Он продемонстрировал оригинальный, новаторский подход. В частности, первым обратил внимание не только на ссылку, но и на процесс добровольного польского переселения как один из факторов формирования польского контингента в сибирском регионе. Он же начал предметный рассказ о влиянии поляков на жизнь края. К сожалению, ко многим обозначенным Либровичем почти сто лет назад сторонам сибирско-польской темы только в последнее время начал проявляться интерес ученых и общественности.

Второй этап, очерченный в историографии двадцатилетием между окончанием первой мировой войны и началом второй, в возрожденной Речи Посполитой характеризовался устойчивым общественным интересом к сибирско-польским страницам прошлого. Здесь выходило немало работ на эту тему - отдельными изданиями и в журналах «Неподлеглащ», «Сибиряк» и других. Для своего времени они, несомненно, имели определенную научную значимость.

Пальма первенства должна быть отдана монографии польского исследователя Михала Янинка «История поляков в Сибири» (Краков, 1928), содержащей богатейшие справочно-библиографические и мемуарно-источниковедческие данные, определяющие ценность этой работы при изучении темы в настоящее время.

Серьезным препятствием в ту пору было разобщение научных и культурных связей Советской России с Польшей. Советская историография практически не касалась данной темы за исключением некоторых оригинальных, пионерских изысканий, предпринятых иркутским историком, впоследствии профессором Иркутского университета Ф.А.Кудрявцевым. Его исследования (по истории Кругобайкальского восстания польских политзаключенных в 1866 году и по истории поляков в Сибири в целом) были впервые основаны на оригинальных первоисточниках из Иркутского губернского (в ту пору) архива.

Следующий, третий этап в изучении рассматриваемой темы начался в конце 1950-х и продолжался до конца 1960-х. Исходной, основополагающей позицией для историков СССР и ПНР в те годы служила марксистская методология. В число приоритетных тематических направлений, которыми активно занимались советские исследователи, вошла и широко понимаемая ими проблематика «русско-польских революционных связей», как стало принято называть ее в выходивших тогда серийных научных изданиях. Было уделено большое внимание изучению истории Кругобайкальского восстания и русско-польских

революционных связей в Сибири в шестидесятые годы XIX века и последующие периоды (работы Ф.Ковала, Н.П.Митиной и других).

Из других направлений, которые все-таки пробивали себе дорогу в то время, выделилась проблематика научной деятельностисылых польских в Сибири (издание в Иркутске усиленными местной научной интеллигенции сборников неопубликованных материалов о Яне Черском и Александре Чекановском, а также работы Бориса Болевого, Людмилы Роняковой и других).

Тогда же польские коллеги сделали заметный шаг вперед в изучении истории польской ссылки в Сибирь, начиная с актуальной для своего времени книги очерков Владислава Евсевицкого и насыщенного новыми материалами очерка Хенрика Скока и кончая параллельными с разработками российских историков изданиями и публикациями о польских - исследователях Сибири (Кристина Ковальская и Анна Миклашевская-Мрочковская, Витольд Армон, Зофия Педос, Станислав Калужинский, Антоний Кучинский и другие).

В последней четверти текущего столетия в историографии темы началось, по нашим наблюдениям, постепенное формирование нового подхода к ее научному осмыслению и соответствующему изучению как к теме широкой, комплексной, многоплановой. В понимании автора данных строк сущность такого подхода состоит в том, что подлинно научное изучение истории польской депортации в Сибирь в дореволюционный период должно предусматривать непременную взаимосвязь, по крайней мере, следующих важнейших ее составляющих компонентов: некоторые аспекты истории польского и русского освободительного, революционного движений, механизмы практического осуществления карательной системы царизма против своих политических противников, иные, кроме политической ссылки, процессы, определявшие появление польского контингента в Сибири.

Тематическое разнообразие последнего двадцатипятилетия в развитии историографии этой темы как в СССР (нынешней Российской Федерации), так и в ПНР (современной Республике Польша) оказывается слишком велико даже для изложения в тезисной форме. Ограничимся поэтому лишь перечнем

некоторых авторов: В.А.Дьяков, А.С.Нагаев, О.П.Морозова, А.П.Рощевская, Д.Б.Каценельсон, Л.Н.Большаков, автор этих строк, - российских исследователей. С польской стороны необходимо отметить Ханну-Марию Малговскую, Викторию Сливовскую, Эльжбету Качинскую, Зофью Троянович, Яна Трынковского и Анджея Вольтановского, Анджея Трапку, Габриэля Бжэнка, Збигнева Вуйчика, Антона Кучинского.

В существующей современной литературе сделалось уже обиходным стереотипом подтверждение значительных заслуг польских в развитии сибирского региона. Думается, что ныне пора конкретно согласовать исторический опыт освоения Сибири польскими с аналогичным же, выработанным представителями других национальных групп.

Ждут своего разрешения и недавно выдвинутые исследовательские проблемы, стоящие на пограничье истории, социологии и психологии. Во-первых, это изучение истории польских в Сибири как истории «пришлого» общества в «принимающей» местной сибирской общественной среде. Во-вторых, реконструкция стереотипов восприятия Сибири и сибиряков польскими, как и аналогичных устойчивых образов Польши и польских в восприятии сибирского населения.

Очевидна необходимость координации российско-польского сотрудничества историков не только на уровне столиц обоих наших государств. Настала пора сформировать соответствующие научные центры и непосредственно в сибирском регионе.

Среди подобных центров подобающие, ведущие места должны быть, на наш взгляд, отведены Томску как важнейшему в историческом отношении региональному центру Западной Сибири, и Иркутску как соответствующему эпицентру Сибири Восточной. В этих городах складывается традиция научных исследований в данном русле, существует богатая документальная база.

Здесь в последние годы оформилось общественно-культурное движение местной польской среды, которая стремится проводить подобную работу на общественных началах. Однако для серьезной организации такого рода научно-информационных центров крайне необходима поддержка на официальном уровне.

Болеслав ШОСТАКОВИЧ.
г.Иркутск.

Б.С. ШОСТАКОВИЧ

ИСТОРИЯ ПОЛЯКОВ В СИБИРИ
(XVII-XIX вв.)

Иркутск 1995

Представляя страницы
альманаха
«Сибирская старина»
для публикации статьи
известного в России
и Польше исследователя
русско-польских отношений
в Сибири, доцента
Иркутского университета
Болеслава Шостаковича,
редакция рада поздравить его
с выходом книги
«История поляков в Сибири
(XVII-XIX вв.)»,
изданной
Иркутским университетом.

Омелька Тимофеев сын
Филонов
томский конный казак
дед польской породы,
прислан был с Москвы
в Томск и служил
в конной службе, а он,
Омелька, верстан в от-
цовство место при воеводе
Даниле Афанасьевиче
Барятинском. Оклад
учинен 7 рублей с четью,
2 пуда соли. Пашня.
Из книги П.М.Головачева
«Томск в XVII веке».

Сибирская
старина

Иван Кузмин сын
Закревской
томский сын боярский
родом польской земли,
взят под Севском на
бою, сослан был
в Сибирь, в котором
году не помнит.
При размене в свои
земли не пошел.
По челобитью
отправлен в Томск.
Оклад учинен 11 рублей.

Юрий Савельев сын
Ритской
томский сын боярский
родом польской земли,
взят на бою под Киевом,
с Москвы сослан
в Томск,
верстан на Москве.
Оклад учинен 10 рублей.

Матвей Иванов сын
Ржитской
томский сын боярский
отец его выехал
из Литвы к Москве
на государево имя
и по грамоте послан
в Томск
в дети боярские,
а в каком году
не помнит, а в Томске
отец его умер,
а он поверстан
в отцовское место.
Оклад учинен
10 рублей.

Из книги П.М. Головачева
«Томск
в XVII веке».

ДЕКАБРИСТ ВЫГОДОВСКИЙ

С 1817 года в Житомире существовала тайная организация, в которую входили мелкие чиновники, люди невоспитанные, хотя и связанные служебными и дружескими отношениями с армейскими офицерами. Эта организация называлась «Обществом объединенных славян» и ставила своей целью создание демократической федерации всех славянских народов. «Славяне» были сторонниками «народодержавия» и считали себя противниками военных революций и врагами диктатуры. Летом 1825 года в обществе был принят чиновник канцелярии волынского губернатора в Житомире Павел Фомич Выгодовский.

Родился он в деревне Ружинской Подольской губернии в семье зажиточного крестьянина Тимофея Дуциова. У церковного дьячка научился грамоте, а затем поступил в сельское училище, одновременно помогая отцу по хозяйству.

Тяжелый крестьянский труд, постоянная нужда заставили молодого человека искать лучшей доли. В 1819 году 17-летний юноша тайно покинул родной дом и оказался в местечке Теофильполе, в богословской школе, называвшейся польской народной. Оттуда он вышел уже Павлом Фомичем Выгодовским, поляком по национальности и дворянином по социальному происхождению. Новое положение позволяло ему получить место чиновника в государственных учреждениях, что было недоступно крестьянину.

Вступление Выгодовского в общество славян не было случайным. Осенью того же 1825 года «славяне» слились с Южным обществом декабристов, куда П.Ф. Выгодовского, считавшегося поляком, не приняли: декабристы полагали, что он должен «отбыть» в тайное польское общество. Однако Павел Фомич вместе с поляком Ю.Люблинским продолжал свою деятельность как член организации на прежнем месте.

П.Ф. Выгодовский был арестован в Житомире 19 февраля 1826 года и заточен в Петропавловскую крепость. На следствии держался с достоинством, признав цели тайной организации «благородными», направленными к тому, чтобы «принести счастье народам», а принадлежность свою к ней «полагал безгрешной». Он был осужден по VII разряду, приговорен к каторжной работе на два года и

отправлен в Читинский острог. Затем срок был сокращен до одного года, и после его окончания Павел Фомич был отправлен на поселение в Нарым Томской губернии, куда и прибыл 3 июля 1828 года.

В то время Нарым числился городом, но в действительности это было таёжное село с трудными климатическими условиями, плохо обеспеченное продовольствием. Положение ссыльных поселенцев-одиночек оказалось хуже, чем каторжных, ведь те отбывали наказание вместе и находили поддержку друг в друге - и моральную, и материальную.

На первых порах Выгодовскому помог живший в то время в Нарыме декабрист Н.О. Мозгамбекский, осужденный на вечную ссылку в Сибирь. После подавления Варшавского восстания 1830 года в Нарыме оказались поляки Клянгер и Домбровский. Эти люди

помогли Павлу Фомичу, брошенному на произвол судьбы и обреченному на медленное умирание, выжить. Однако после отъезда из Нарымы Мозголовского, Домбковского, Клянера в 1836 году Выгодовский, оставшись один, постепенно углубился в себя, в свои размышления и прекратил связи с остальными соотечественниками.

В Нарыме Выгодовский прожил 26 лет в непрерывной борьбе за существование, за сохранение человеческого достоинства. Он сблизился с местным населением и как один из немногих знал грамоту составлял жалобы и прошения, указывая на лихонимство и насилие местных властей, грабивших жителей Нарымского края.

За «дерзости в прошениях» в 1854 году его предали суду и заключили в Томский тюремный замок. При аресте обнаружили рукописи на 3588 листах, «наполненные самыми дерзкими, сумасбродными идеями о правительстве и общественных учреждениях с превратным толкованием некоторых мест святого писания и даже некоторых истин христианской религии».

Нарымское сочинение Павла Выгодовского представляло собой остройший политический pamphlet, общирное философское произведение. За это, отсидев год в томской тюрьме, он был вторично сослан: 19 сентября 1855 года П.Ф. Выгодовского отправили в кандалах с партией каторжан на восток, и через 15 месяцев он прибыл в якутское становище Нюрба. Якуты тоже принесли участие в судьбе изгнаника, не дав ему умереть от голода и холода.

Затем Павла Фомича перевели в Вилюйск, где он по-прежнему занимался составлением по просьбам жителей разных прошений, перепиской бумаг у частных лиц и обучением русских и якутских детей в школе, которую основал там декабрист Матвей Муравьев-Аpostол. В связи с определением Вилюйского острога под место заключения «опасного преступника» Н.Г.Чернышевского в 1871 году Выгодовского перевезли в Иркутск и приписали к селу Урик.

В Урике одновременно со старым декабристом оказался участник польского восстания Петр Шверницкий. Он только что отбыл ссылку в Нарыме,

где четверть века провел Выгодовский. Товарищи по изгнанию сблизились, и Петр Шверницкий, узнав, что этот полуслепой старик не имеет никаких средств к существованию, рассказал о нем своему брату, настоятелю Иркутского костела Христофору Шверницкому, популярному и весьма уважаемому человеку в Иркутске, во всем Забайкалье и Якутии. Члентайной польской организации в 1848 году Х.Шверницкий был сослан за распространение нелегальной литературы, получаемой из-за границы. В Сибири вокруг него объединялась демократическая часть польской колонии, которая насчитывала около двух тысяч человек. Шверницкий устроил в Иркутске первый детский дом для сирот поляков, помогал соотечественникам, а также ссыланным русским.

Х.Шверницкий помог Выгодовскому получить «вид» - разрешение на проживание в Иркутске и определил его на жительство при местном римско-католическом костеле, так как физически Выгодовский был немощен, слаб зрением и в труде неспособен.

В 1879 году в Иркутске произошел великий пожар. Дотла выгорело 75 городских кварталов, в том числе спорел и деревянный костел со всем церковным и личным имуществом Х.Шверницкого, каморкой и жалким скарбом Павла Выгодовского. Самого Выгодовского спасли Х.Шверницкий и «государственный преступник» Леопольд Добинский, отнесли его на руках к лодке на Ангаре. Декабристу парализовало ноги, однако он не только выжил, но через несколько месяцев смог даже взять в руки перо и неразборчиво написать прошение о бесплатной выдаче нового дома на жительство взамен сгоревшего. Поляки-иркутяне оборудовали новое помещение для костела и отвели Павлу Выгодовскому комнатку, где поселился также Леопольд Добинский, чтобы ухаживать за стариком, который стал почти недвижим.

Последние два года Выгодовский провел прикованным к постели в ужасающей нищете и полной безвестности для русского общества, он умер 12 декабря 1881 года от «продолжительной старческой болезни».

Вера СОНЧИК.
Клуб «Старый Томск».

Юрий Семенов сын
Соболевской
томский сын боярский
сказал, родом он
польской земли,
взят на бою
и привезен к Москве
и сослан был в Тобольск,
а из Тобольска взят
был для размена
к Москве и в свою
землю не пошел и был
челом, чтоб ему
служить по Томску
и верстан на Москву.

Оклад учинен
денег 14 рублей,
хлеба 12 четей ржи
и овса, 3 пуда соли,
а пашни за них нет
и детей у него три
сына: Андрюшка 11 лет,
Алешка 7 лет,
Васька 5 лет.

»
Ивашко Иванов сын
Доманевской
томский конный казак
отец польской породы,
выехал из Литвы
к Москве на государево
имя и прислан в Томск
по грамоте и велено его
поворстать в какой чин
годен был в конных
казаках, а он, Ивашко,
верстан на отцово
место при воеводе
Иване Бутурлине.
Оклад учинен 7 рублей
с четью, 2 пуда соли.

Пашня.

Из книги
П.М.Головачева
«Томск в XVII веке».

ПОЛЯКИ ИГРАЛИ ЗАМЕТНУЮ РОЛЬ В ЖИЗНИ ТОМСКА...

Евдокимко Березовской томский конный казак отец-поляк, служил в Березове и был переведен в Томск.

Сам родился в Томске. Оклад учинен 7 рублей с четью, 2 пуда соли. Пашня.

сд

Ивашко Остафьев сын Своровской томский конный казак отец поляк, выехал к Москве на государево имя, с Москвы прислан по грамоте государя в Томск в конные казаки, при воеводе Иване Бутурлине. Оклад учинен 7 рублей с четью, 2 пуда соли. Пашня.

Из книги
П.М. Головачева
«Томск
в XVII веке».

В жаркую летнюю пору жизнь в Томском городе почти замирала: большинство служилых отправлялось в разные - далекие и поближе - места за сбором «государевой дани». Те, кому посчастливилось остаться дома, трудились по лесным сланям на сенокосе, жниве. Воспользоваться случаем, захватить город, избить воевод и служилых поодиночке, вязь казну, порох, лошадей и бежать степью мимо Тары на Волгу, а оттуда в Литву - этот план вынашивали оказавшиеся в Томске в качестве ссылочных пленные русско-польской войны. Это были поляки, латыши, белорусы, литовцы - подданные Польского государства. В Томске же, по сложившейся традиции, их называли «литвой». В 1634 году этой «литвы» собралось в Томском городе до двух сотен человек. Тогда и выяснился план побега. Во главе «заговора» встали «староповерстанный», то есть давно живший в Сибири, Иван Краснопольский и новоприсыльный Иван Белиловец. К ним присоединились до 75 бывших пленных. Однако заговор не удался, заговорщикам схватили, пытали огнем и жгли, а двенадцать из них «за поровской лихой завод» повесили в конце июня того же тридцать четвертого. И с того времени повелось, что поляки оказывались в Томске большей частью не по своей воле.

С 1830-х годов, после массовых восстаний в русской части Польши, Сибирь, в том числе и Томск, по свидетельству А.В. Адрианова, «наподобиям ссылочными поляками». За первой волной польской ссылки последовала новая - после восстания 1860-х годов, за ними - ссылка советских времен.

О численности поляков, живших в Томске в XVIII - начале XIX века, сейчас сказать пока невозможно, для этого нужны специальные архивные разыскания. Гораздо лучше сохранились статистические данные относительно второй половины прошлого - начала нынешнего столетий. Согласно им, около 85-86 процентов томского населения были русскими, до 5-6 процентов - евреями, около 3 процентов принадлежало к полякам и примерно столько же проживало в нашем городе татар. Представители других этнических групп, а в 1897 году, например, в Томске насчитывалось 52 национальности, не преувеличили все вместе взятые двух-трех процентов населения.

По данным городской переписи 1880 года, в Томске проживал 991 поляк (в городе тогда насчитывалось 33834 жителя). Всероссийская перепись 1897 года зарегистрировала в Томске 1284 поляка (из 52210 горожан), а

городская перепись 1912 года - 2704 поляка (при численности всех горожан 97177 человек).

Приведенные цифры показывают: поляки играли весьма заметную роль в жизни Томска. Зачастую они имели хорошее образование, профессиональную квалификацию.

Среди томских специалистов неплохая репутация была у гидротехника Ивана Комодзинского, инженера путей сообщения Ипполита Каноновского, члена Томского окружного суда Юлиана Дунина-Бржезинского, врача Флорентина Оржешко. Последний прибыл в Томск в ссылку как участник восстания 1863 года, здесь обосновался и стал одним из самых популярных городских врачей. В некрологе, посвященном памяти умершего в марте 1905 года Ф. Оржешко, он был назван «искренним слугой общества и человечества».

Отношение к Ф. Оржешко в Томске благодарное со стороны населения, благосклонное со стороны властей не случайно, а типично. В отличие от советских времен в эпоху самодержавия люди, оказавшиеся в Сибири не по своей воле, как борцы против существующего строя, довольно скоро интегрировались в общественную жизнь и нередко занимали в ней видное место.

Русская цивилизация. Карикатура XIX века.

Так случилось и с Болеславом Шостаковичем, поляком по происхождению, сыном ветеринарного врача из Екатеринбурга. По обвинению в причастности к революционному народническому движению начала 1860-х Болеслав-Артур Шостакович был выслан в 1866 году «на житье» в Томскую губернию. Тех, кого интересуют подробности участия Болеслава в подготовке побега из Сибири ссыльных революционеров, новых разбирательств в связи с этим, отошлю к публикациям иркутского историка Б.С.Шостаковича, правнука Болеслава-Артура. Здесь же хочу обратить внимание читателей на некоторые детали отношения сибиряков к сосланному, его участию в жизни нашего города.

Поселившись в Томске, Болеслав первоначально очень бедствовал: как ссыльного его не принимали на работу. Доведенный до отчаяния, он отправился... к губернатору с намерением «потребовать, да потребовать, чтобы он, губернатор, что-нибудь да сделал», - так Б.Шостакович впоследствии описывал свой поступок. К счастью, Шостакович попал на прием к М.Н.Берестову, председателю губернского правления. И тот дал ему место в своей канцелярии. И не только место. М.Н.Берестов стал для опального юноши (Шостаковичу ведь шел всего-навсего двадцать второй год) близким человеком, был крестным отцом трех первых детей Болеслава и жены его Варвары Гавrilovны. Кстати сказать, Варвара, юная вдова врача Калистова, добровольно приехала за своим женихом в Сибирь, подобно другим воспе-

тым Н.Некрасовым «русским женщинам», и венчалась с ним в Томске.

В Томске же у четы Шостаковичей родилось трое из семерых детей - Владимир, будущий советский геофизик, Варвара и Александр. Все, как уже говорилось, крестники статского советника Берестова. О состоянии терпимости в тогдашнем обществе свидетельствует и то, что, имея отца-католика, дети Шостаковича, как и мать их, были крещены в православной вере.

Терпимость терпимостью, но, когда дело касалось безопасности строя, или по-другому - опасности подрыва его со стороны революционеров, попады не было. В декабре 1872 года Б.Шостакович вновь оказался в ссылке, теперь уже - в Нарыме: вина его состояла в попытках помочь одному из сосланных, проезжавшему через Томск. Семья скорее всего присоединилась к нему позже, так как родившегося в мае 1873 года третьего сына, Александра, крестили в Томске.

В Нарыме семья Шостаковичей прожила около четырех лет, о которых позже глава семьи вспоминал так: «**Я не гнушался никакими занятиями, коих не было. Жена варила квас и мед, пекла калачи, столowała местную интеллигенцию, как-то: подвалного, начальника почтового отделения, фельдшера...**» Примечательно, что, бедствуя, Болеслав-Артур не падал духом, а развернула целую программу научных исследований Нарымского края, публиковая некоторые из результатов в «Томских губернских ведомостях», позже - в трудах Императорского

Русского Географического общества.

В Нарыме 11 октября 1875 года родился у Шостаковичей четвертый ребенок, крещенный Дмитрием, будущий отец будущей российской знаменитости, композитора Дмитрия Шостаковича. Воспреемниками его при крещении в нарымском Крестовоздвиженском соборе были титулярный советник Я.Усов и купеческая жена Ф.Родюкова.

Этот факт мне кажется очень знаменательным и характерным: ссыльный поляк Шостакович умел находить общий язык с самыми разными людьми - от высших губернских чиновников до купцов. Кстати сказать, находясь в Нарыме, Шостакович имел сношения с П.И.Макушним.

Вернувшись в 1877 году в Томск, Болеслав-Артур поступил бухгалтером в торговый дом «Петров и Михайлов» и стал играть очень заметную роль в жизни города. Тем более что ему были возвращены все гражданские права, в том числе и звание потомственного почетного гражданина. Как гласный городской думы, а в 1885 году его даже пытались выбрать заступающим место городского головы, но кандидатуру не утвердили в министерстве внутренних дел. Б.Шостакович стоял у истоков многих начинаний.

По его предложению, например, стали издаваться «Известия Томского городского общественного управления». Он же стал инициатором устройства в Томске Сибирского музея, чьи экспонаты, как известно, легли в основу археологического музея Императорского Томского университета. Активно сотрудничал в «Сибирской газете» и в то же время не отказывался от общения со ссыльными. С одним из них С.Мокиевским-Зубком Б.Шостакович пытался даже в 1882 году организовать торговый дом, однако попытка эта, судя по всему, не удалась. Известно также, что в 1881 году Б.Шостакович посещала квартиру поднадзорного студента Петра Орлова, где собирались организаторы подпольного Красного Креста партии «Народная воля».

Разумеется, жили в Томске и

...АЛТАЙ

Первое массовое появление поляков в Барнауле относится к 1863 году.

Группа ссыльных - 60 человек - пробыла в городе недолго.

В следующем году в Барнауле

начались пожары, и местная полиция, голосовно обвинив поляков в поджигательстве домов чиновников, выслала их из города.

На днях в Томске открывается «сибирско-польское товарищество потребителей», устав которого утвержден Сибирским правительством. Как известно, организация эта должна охватывать всю Сибирь. Председателем кооператива избран П.И. Войцеховский, его заместителем - Б.С. Желеховский, членами совета - Андronовский, Векер и Прошковский.

«Воля Сибири». - 1918. - 21 декабря.

В настоящее время благотворительные учреждения польского общества помощи жертвам войны, обслуживающие главным образом беженцев, переживают острый кризис: правительственные ассигнования прекратились, со стороны города помощи также не может быть оказано. Для удовлетворения нужд приютов общества в Общественном собрании устраивают костюмированный вечер.

«Народная газета». - 1918. - 31 декабря.

Польский Народный дом, единственный из-за материальных трудностей, вновь возрождается при помощи других польских организаций. На 15 февраля назначается вечер в помещении польского Народного дома. Правление прилагает все усилия к развитию культурно-просветительской деятельности и объединению всех классов многоязычной польской колонии в Томске и его окрестностях.

«Голос Сибири». - 1919. - 12 февраля.

поляки, прибывшие сюда добровольно, исполняли служебный долг или по семейным обстоятельствам. Такие как пианистка и педагог Камила Томашинская (урожденная Савицкая), профессор химии Томского университета Станислав Залесский с супругой, пианисткой Ядвигой Залесской, преподаватель губернской мужской гимназии Иосиф Быстржицкий, врач Владислав Пирусский, владелец шоколадной фабрики Бронислав Бородзич, архитектор Болеслав Татарчук. Составляя органическую часть томского общества, поляки тем не менее не забывали своих духовных и национальных корней. Вот почему римско-католический, а в просторечии - польский костел привлекал к себе массу прихожан. В 1893 году они возбудили ходатайство об учреждении благотворительного общества, и в январе 1895 года, получив официальное

разрешение, выбрали первый состав правления общества во главе с С. Жбиковским. Действовала в городе и польская библиотека, открывшаяся в 1905 году. По количеству книг (около 4 тысяч томов в 1912 году) и численности читателей (120 человек) библиотека эта уступала, конечно, таким как университетская, макушинская или городская публичная, но вполне сравнима с библиотеками коммерческого и железнодорожного собраний, православно-епархиальной и др.

Наверняка жившие в Томске поляки - и бывшие ссыльные и вольные - ощущали, как, впрочем, и другие подданные Российской империи, сильнейшее давление со стороны государства, свою национальную и социальную ущемленность. Но верно и то, что в Томске пребывание поляков, как бы ни было оно трудным и проблематичным в каждом конкретном случае, очень обогащало жизнь города, придавало ему новые импульсы, неповторимый колорит и разнообразие.

Надежда ДМИТРИЕНКО.

Я.К.Субача и других. Следственное дело по обвинению 26 человек было начато 28 июня по ст. N 58-2-9-11 УК РСФСР и окончено 10 декабря 1937 года. 17 января 1938 года 23 человека, проходивших по этому «делу», были расстреляны. Город лишился лучших людей, среди которых Антоний Иванович Марцинковский - яркая личность, внесшая большой вклад в развитие культуры нашего города. За 30 лет своей деятельности в качестве хормейстера, органиста костела, педагога, администратора, он без преувеличения преобразовал музыкальную жизнь Барнаула. По воспоминаниям людей, знавших его лично, Антония Ивановича не просто уважали, а любили за простоту в общении, доброту, душевность, готовность помочь, за талант музыканта и организатора. Невозможно было поверить, что 62-летний человек, полностью посвятивший себя искусству, мог заниматься антисоветской или иной проклебной деятельностью.

Новые бедствия в жизни советских поляков связаны с началом второй мировой войны. По приказу Сталина из западных районов Украины и Белоруссии началось насильственное переселение поляков в глубь страны. Так, на Алтае к июлю 1943 года оказались 15543 ссыльных поляка, не

считая тех, кто сидел в тюрьмах и находился в лагерях. К концу войны больше всего поляков было в Бийске - около 2500 человек и в Барнауле - 1900. Примечательно, что в Бийске тогда жил, окончил там школу и в июле 1943 года был призван в армию последний секретарь ПОРП Войцех Ярузельский. В Бийске же похоронен его отец Владислав Ярузельский. После Победы большинство поляков вернулось на родину. По данным на 1993 год, в Барнауле проживал 351 поляк.

В истории старого Барнаула известен своей деятельностью городской врач Извецкий, а в советское время - скульптор С.Р. Надольский. Нельзя не вспомнить Александра Пеотровского - журналиста и поэта, который много печатался в барнаульской газете «Жизнь Алтая». Среди крупных предпринимателей известен Ипполит Игнатьевич Андроновский, начавший свою деятельность в Томске. В Барнауле кроме пивоваренного завода он владел рестораном «Метрополь», в здании которого расположена сейчас Дворец бракосочетаний.

В Бийске жил архитектор Барустинский - сын польского ссыльного, автор проекта здания городского музея, и профессор Бальтазар Калиновский. В Рубцовске

более полувека работала врач-дерматолог высшей квалификации Анея Юлиановна Бубнович, награжденная за многолетний добросовестный труд орденом Трудового Красного Знамени и знаком «Отличник здравоохранения».

Потомки бывших польских ссыльных и переселенцев не забыли свои корни. Они создают национально-культурные и просветительские общества и центры.

В. БУБНОВИЧ,
председатель

Центра польской культуры
г. Барнаула,
заслуженный артист
Российской Федерации.

...СУРГУТА

Первые упоминания
о пленных иностранцах,
сосланных в Сургут,
относятся к 1717 году.

В книге «История Сургута»
(Екатеринбург, издательство
«Тезис», 1994 год)
названы три пленных шведа:
Петем Юрт,
Фридрик Весь, Семен Ромса,
коим выдано

по приходно-расходной книге
коровьего жалованья
с 1 апреля 1717 года
по 1 января 1718 года
8 рублей 8 алтын 2 деньги.

Пленные шведы
оказались в Сургуте
после Северной войны
и Полтавской битвы.

В 1741 году
в числе ссыльных названы
поляки Василий Патренка,
Осип Искра и
новокрещенный швед
Матфей Иванов, «оставший
от шведских пасников».

В перечне фамилий первых сургутских крестьян по переписи 1764 года упомянут Иван Тетюцкой 24 лет. По переписи 1795 года в Сургуте

значилось 65 крестьянских семей (183 души мужского пола и 177 женского), в том числе семья Ивана Артемьева сына Тетюцкого, которая с 1788 года жила в Ютанском погосте Сургутского уезда. Позднее фамилия Тетюцких стала в Сургутском уезде широко распространенной. Среди Тетюцких были богатые купцы, мещане и крестьяне-рыбаки. По семейному преданию, Тетюцкие считают себя потомками поляков, попавших в Сургут после восстания Тадеуша Костюшко в 1794 году, однако их корни уходят в глубь XVIII века.

В книге «Тобольская губерния», изданной в 1871 году в Петербурге, значится, по сведениям 1868-1869 годов, всего населения в губернии 972 тысяч человек, в том числе 7268 поляков, или около одного процента. А всего в Тобольской губернии в то время находилось более 68 тысяч ссыльных, или 7 процентов от всего населения.

Значительная часть поляков проживала в Тобольске. Там даже был построен костел, сохранившийся в хорошем состоянии до настоящего времени. Но некоторая часть была определена на жительство в другие города и уезды губернии.

Известно несколько потоков ссыльных поляков в Сибирь, в том числе после подавления восстаний 1830-1831, 1863-1864 годов, в народнический период, а также в 1907 и 1912 годах. В сохранившихся книгах сургутской Троицкой церкви о рождении, браке и смерти встречаются фамилии польского происхождения: Тетюцкие, Малиновские, Стаковские, Багинские, Станевичи, Мицкевичи. Они отнесены к мещанскому сословию, что указывает на их позднее появление, потому что первоначальное население

Сургута относилось к сословию казаков, что обязательно и отражалось в церковных записях.

Наиболее точные сведения о ссыльных поляках относятся к периоду первой русской революции 1905-1907 годов и к периоду нового революционного подъема.

17 декабря 1912 года Варшавский обер-полицмейстер в письме начальнику Тобольского жандармского управления сообщал об отправке группы поляков из восьми человек в Тобольскую

усобных конфликтов, некоторые отправлены по деревням уезда. Так, Юдинский, Герватовский и Сечко оказались в селе Александровском, Антосевич и Зеленинский - в селе Тундрине. Кроме этой восьмерки, здесь находилось много других политссыльных, в их числе были и поляки.

По-разному сложилась судьба этих людей. Владислав Ющинский 29 ноября 1914 года, будучи на промысле пушного зверя, замерз в пути во время сильного бурана. Викентий Сечко умер

7 ноября 1914 года в своей квартире. Юзефа Грабицкого убил Антон Антосевич 13 марта 1913 года, за что Антосевич был арестован и содержался под стражей в Тобольской тюрьме. 25 июля 1914 года тобольский выездной суд, рассмотрев в Сургуте дело Антосевича, оправдал

**Артур Гrottger (1837-1867).
Молитва на гробе повстанца.**

губернию под гласный надзор полиции на пять лет, считая срок с 17 ноября 1912 года.

Кто же эти люди? Жители Варшавы Николай Зеленинский и Владислав Ющинский, житель Лодзи Станислав-Игнатий Дружбинский, крестьянин Петроковской губернии Адам Борутто, крестьяне Варшавской губернии Антон Антосевич, Юзеф Грабицкий, Викентий Сечко, крестьянин Ломжинской губернии Чеслав Герватовский. Хотя некоторые из них числились крестьянами разных губерний Королевства Польского, фактически жили и работали в основном в Варшаве. Оттуда и были высланы.

В Сургут прибыли 24 февраля 1913 года. Большинство из них принадлежало к партии социалистов, но были и анархисты-коммунисты. Первоначально все были приписаны к городу Сургуту, позднее в силу различных обстоятельств, в том числе и между-

его. Позднее Антосевич принимал активное участие в борьбе за установление Советской власти, вступил в Российскую коммунистическую партию. Погиб при ликвидации контрреволюционного крестьянского восстания в 1921 году. Чеслав Герватовский в 1916 году призван в царскую армию, после Октябрьской революции служил в Красной Армии. С 1922 года до глубокой старости работал в торгово-заготовительной кооперации в Сургуте, Березовском и Кондинском районах Тюменской области.

Николай Зеленинский в Сургуте занимался парикмахерским делом. Проживал он на квартире у Ольги Федуловой вместе с политссыльным Николаем Агаповым. На доме была приколочена дощечка с надписью «Варшавский парикмахер Николай». Место это было бойким. Здесь обычно собирались молодежь по вечерам играть в городки и бабки. 2 мая 1914 года Агапов устроил такую шутку - при всей компании ребят заявил: «Нас здесь два Николая, я поселился раньше, поэтому буду первый, а Зеленинский второй».

Потом сияя вывеску и после слова «Николай» начертил римскую цифру «II» и приколотил доску на место. Эта выходка Агапова вызвала дружный смех молодежи. Безобидная двойка придавала рекламе другой смысла и политический оттенок: «Варшавский парикмахер Николай II». Веселая шутка долго ходила по городу. Уездное начальство усмотрело в ней глумление над царствующей особой.

В 1916 году Зеленинского призвали в царскую армию. После Октябрьской революции он принимал активное участие в установлении Советской власти в Сургуте, а после заключения мирного договора с Польшей вернулся в Варшаву, но вскоре был арестован и погиб в тюрьме.

Дружбинский в 1916 году также был призван в царскую армию. После Октябрьской революции активно боролся за победу и упрочение Советской власти в Сургуте. В период колчаковщины арестован и заключен в тобольскую тюрьму. После освобождения Красной Армии вернулся в Сургут, работал в торговле.

Адам Борутто в 1916 году служил в царской армии. После победы Октябрьской революции приехал в Сургут и совместно с Дружбинским и Зеленинским провел большую работу по организации первого Совета, был избран его председателем. Во время колчаковщины был арестован, заточен в тобольскую тюрьму, затем вывезен в Иркутск, где и расстрелян.

Таким образом, часть поляков, как многие другие политсырьные, сыграла видную роль в становлении и упрочении Советской власти в Сургуте, в развитии хозяйства, торговли, культуры.

Ф. ПОКАЗАНЬЕВ.

Флегонт Яковлевич Показаньев - известный краевед, исследователь истории Сибири - оставил этот мир. В сороковой день, как его не стало, в Сургуте в честь покойного установлен памятник. Городские власти решили назвать именем Показаньева одну из новых улиц. Именно Сургуту посвящена последняя книга Флегонта Яковлевича - «Город древний, город славный» (Тюмень: «Скорпион», 1996).

К польскому населению [Томск]

Польская колония извещает, что 23 февраля будет праздновать годовщину восстания 1863 года. Волею судеб это торжество в данный момент не праздник скорби и печали, не траурное воспоминание погибших надежд и сокровенных упований. Ныне это праздник могучего подъема патриотических чувств, хвалебная песнь светлого воскресения многострадальной нашей Польши. Ныне сбывается то, за что боролись ее герои. Уже скоро увидим свободную и объединенную Польшу, скоро вернемся к своим родным полям и хатам. Польская колония приглашает на праздник 56-летней годовщины восстания 1863 года.

«Сибирская жизнь». - 1919. - 22 февраля.

На четвертой странице обложки

Людмила Курилович - художница увлекающаяся и разносторонняя.

В разные моменты творческой жизни оказывалась она в плenу литографии, карандашного рисунка, пастели, акварели, масляной живописи. Но акварель остается ее любимой техникой, потому что - как утверждает Людмила - в ней возможны самые мягкие и неуловимые нюансы. Темы ее произведений и их трактовка характеризуют Людмилу как человека жизнелюбивого, вдумчивого, с оригинальным взглядом на примелькавшиеся вещи:

серии «Томск исторический», «Памяти Сергея Вицмана», «Байкальские впечатления», «Евангельские мотивы», «Томские улочки», «Музыкальные композиции», портретная серия «Художники и современники».

Людмила - большая любительница путешествий.

В дневнике - веди она его - мелькали бы: место падения метеорита, Польша, Великобритания, 41-й километр, где у Людмилы участок с клубникой и «травой по пояс»...

Осенью прошлого года в Северске прошла персональная выставка Людмилы Николаевны. Были представлены живописные новеллы Л. Курилович о красоте жизни, о путешествиях, о себе самой.

Некоторые из представленных работ были и на ее зарубежных персональных выставках в Польше (1992, 1993) и Великобритании (1994).

На экспозицию в Северске пришло около двух тысяч человек, и многие оставили записи в книге отзывов. Вот один:

«Выставка очень профессиональна!

Поражен, как строго и со вкусом передано настроение туманного Альбиона и как тонко отражена лирика русского пейзажа со скромными двориками и русской зимой.

Спасибо Вам.

Курсант военно-медицинского факультета».

Тамара ЗАРЖЕЦКАЯ.

На 4-й стр. обложки - «Старый дом». 34,8x47. Акварель, 1996 г.
Фото Сергея Хорькова.

Сибирская
старина

ИСТОРИЯ

ОДНОЙ ШКАТУЛКИ

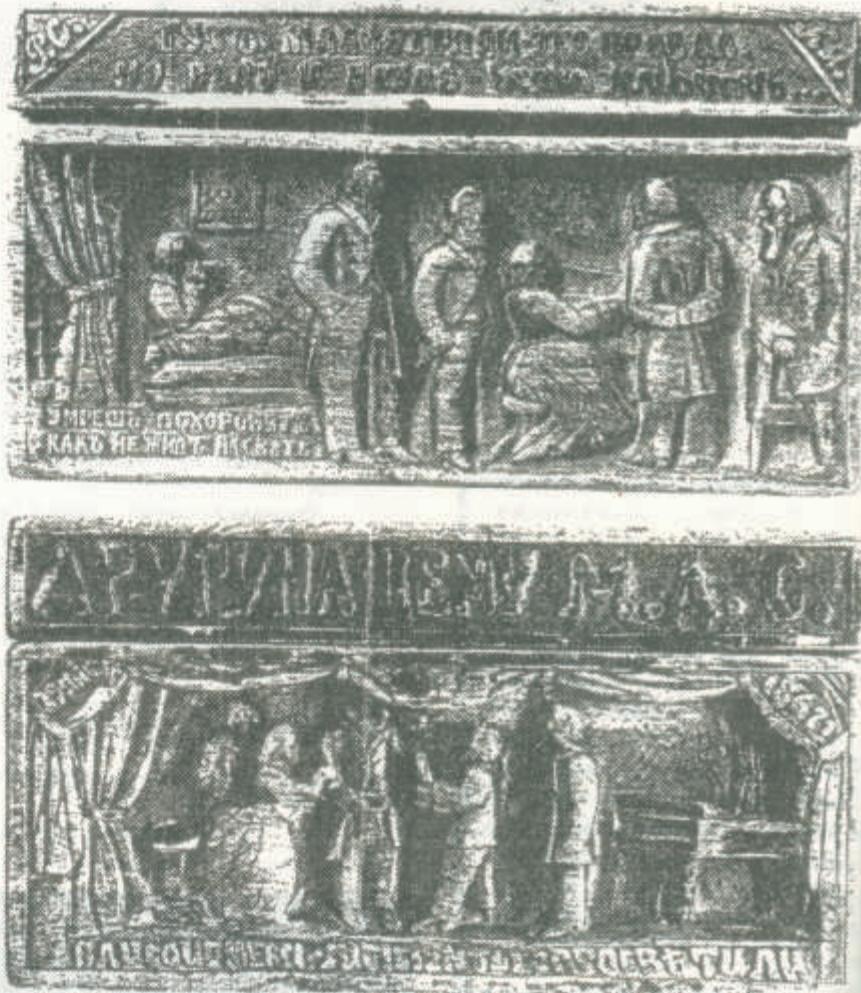
В фондах Нарымского музея политической ссылки имеются фотографии, рассказывающие о пребывании участников польского восстания 1863 года в Нарыме. А еще есть копия деревянной шкатулки. Подлинник хранится в фондах Исторического музея в Москве.
Интересна она не только тем, что сделана руками польскихсылочных, живших в Нарыме в 60-е годы XIX века.
Мы знаем теперь имена десяти ссылочных поляков, объединенных в революционную группу (инициалы их вырезаны на шкатулке).

Здесь, в глухом Нарыме, они продолжали свою антиправительственную деятельность. Доносчик Карл Павловский сообщал полиции о том,

что поляки сочинили и пели песню, в которой «злословили на государя-императора. Эта песня вошла в Нарыме в такое обыкновение, что ее поют уличные мальчишки и 12-летняя дочь мещанки Габовой...». Кроме того, члены этой группы вели тайную переписку с поляками, отбывающими ссылку в Томске и других местах Сибири, а также имели станки для изготовления ружей, что говорит об их подготовке к новой борьбе.

Рассматривая шкатулку, мы как бы погружаемся в быт польских ссылочных в Нарыме конца XIX века. Шестью окнами смотрит на нас одноэтажный дом под двухъярусной крышей, изображение которого вырезано на крышке. Очевидно, в нем жили или часто собирались вместе друзья, чьи инициалы начертаны в углах. Здесь же надпись: «Нарым, 17 июля 1866 года».

На одной из стенок шкатулки мы видим комнату и фигуры ссыльных поляков — бородатых мужчин в сюртуках, окружающих женщину, играющую на фортепиано. Далее изображена эта же комната, часть

которой оборудована под сцену. На сцене - те же мужчины и женщины. И дата «29 января 1867 года». А вот по заснеженному простору мчит

кого-то в кошевке тройка лошадей. И, наконец, те же мужчины с крутого берега реки с тоской смотрят на удаляющийся колесный пароход. Вверху надпись: «*Сбудется ли наше искреннее желание?*». Понятно, речь о том, чтобы покинуть край ссылки и вернуться на родину.

Установлено, что шкатулка сделана специально в дар Марии Дмитриевне Сошальской - женщине, изображение которой мы видим в рельефе на стенках шкатулки. Об этом говорит и надпись: «*Другу нашему М.Д.С.*». Мария Дмитриевна Сошальская принадлежала к числу передовых женщин и отличалась сильным и решительным характером. Дочь помещика, она семнадцати лет вышла замуж за поручика Сошальского. Не любя мужа, через четыре года «откупилась» от него за одну тысячу рублей серебром и уехала в Петербург. В Петербурге М.Д. Сошальская работала приказчицей в книжном магазине-библиотеке В.В. Яковлева.

В этой библиотеке постоянно собирались революционно настроенная молодежь, хранилась запрещенная литература. Возможно, здесь и встретилась Мария Дмитриевна со

студентом Московского университета Яковом Андреевичем Сулиным, ставшим ее гражданским мужем.

В 1866 году Я.А. Сулин был арестован за принадлежность к организации «Земля и Воля» и сослан в Нарым. Вместе с ним отправилась в ссылку и 28-летняя Мария Дмитриевна Сошальская. 17 июля 1866 года - дата, вырезанная на крышке шкатулки, - день прибытия Сулина и Сошальской в Нарым.

Проезжая Томск, Сошальская приобрела там рояль и мебель для своего будущего дома в Нарыме, где ежедневно собирались их новые друзья - ссылочные полки. Вечерами они пели, импровизировали, готовили спектакли, один из которых был устроен Сошальской 29 января 1867 года. М.Д. Сошальская писала друзьям: «Вся нарымская публика была на спектакле и осталась довольна представлением, которое очень удалось». Женским умением и обаянием помогала Мария Дмитриевна скращивать унылую жизнь ссылочных.

Но роль М.Д. Сошальской заключалась и в другом. Она не была ссылочной, а значит, имела право свободного выезда из Нарыма. Это имело большое значение для ссылочных поляков, которые любую переписку должны были вести только через губернатора. М.Д. Сошальская была связующим звеном между нарымскими ссылочными и революционерами Томска, Петербурга. Несмотря на установленный за нее строгий надзор, полиция так и не удалось поймать Сошальскую с поличным. Чиновник, приставленный к Сошальской на время ее поездки из Нарыма в Петербург писал: «Хотя в Томске и делал у нее обыск штабс-капитан Афанасьев, но ничего не нашел, так как она не глупа что либо хранить у себя, а на это имеет крепкую память, а поэтому не нуждается ни в каких письмах и заметках, которые вообще всегда отнем истребляются».

К сожалению, дальнейшая судьба М.Д. Сошальской пока неизвестна.

Галина ЗУБАРЕВА,
директор Нарымского музея
политической ссылки.

ЧЕХОВ О ПОЛЯКАХ В СИБИРИ

Фрагменты письма, написанного А.П. Чеховым

в Томске в мае 1890 года.

«Кстати уж и о поляках. Попадаются ссылочные, присланные сюда из Польши в 1864 году. Хорошие, гостеприимные и деликатнейшие люди. Одни живут очень богато, другие очень бедно и служат писарями на станциях. Первые после амнистии уезжают к себе на родину, но скоро вернулись назад в Сибирь - здесь богаче, вторые мечтают о родине, хотя уже стары и больны. В Ишиме один богатый пан Залесский, у которого дочь похожа на Сашу Киселеву, угостил меня за один рубль отличным обедом и дал мне комнату высаться, он лежит кабак, окулачился до мозга костей: лежит со всех, но все-таки пан чувствуется и в манерах, и в столе, во всем. Он не едет на родину из жадности, из жадности терпит снег в Николин день; когда он умрет, дочка его, ролившаяся в Ишиме, останется здесь навсегда - и пойдут таким образом множиться по Сибири черные глаза и нежные черты...»

«Старик писарь, поляк, которому я дал аспирину от головной боли, жаловался на бедность и говорил, что недавно через Сибирь проезжал австрийского двора камергер граф Сапега, поляк, помогающий полякам. «Он останавливался около станции, - рассказывает писарь, - а я не знал этого! Мать пресвятая! Он бы мне помог! Я писал ему в Вену, но ответа не получил...» и т.д. Зачем я не Сапега? Я отправил бы этого беднягу на родину.

Ольга Мартыновна Соболевская
с дочерью Ольгой и сыном Петром в Томске.
Снимок из архива О.С.Соболевской. Публикуется впервые.

CABINET PORTRAIT

СЕМЬЯ СОБОЛЕВСКИХ

*Уроженцы Польши,
всю судьбу заброшенные в Сибирь,
в Томск, оказали самое благотворное влияние
на формирование музыкальной культуры
сибирских городов. Среди этих
представителей польской интеллигенции
были пианисты и певцы, дирижеры и
учителя музыки, ученые и инженеры. Особую
роль в музыкальной жизни Томска первых
двух десятилетий
нашего века
сыграла семья
Соболевских.*

20

Сибирская
старина

ГЛАВА семейства Соболевский был уроженцем местечка Бялы под Варшавой. Он родился в 1868 году и по католическому обряду получил данное «составное» имя Станислав-Петр-Сигизмунд. С детских лет мечтал стать исследователем недр - горным инженером. Другой его страстью была музыка.

Соболевский поступил в Петербургский горный институт, однако, окончив два курса, принял решение уйти для того, чтобы получить более серьезную математическую подготовку. Но, начав учебу заново на механико-математическом факультете Петербургского императорского университета, не выдержал - вновь через два года возвращается в горный. Уже в те годы Соболевский заинтересовался созданием и применением математических расчетов в горнорудном деле. Позднее его исследования в этом направлении стали основой новой науки - геометрии недр.

Оторванный от дома, не имеющий собственного угла, Соболевский вынужден был зарабатывать на жизнь музыкой. Он танцует на балах, свадьбах... да и на похоронах играет. Поразительно, но у него хватает еще силы, энергии и неиссякаемой любознательности. Он берет уроки композиции у выдающихся музыкантов А.К. Лядова и Н.А. Римского-Корсакова.

Горный институт был закончен лишь в 1898 году. Тридцатилетний студент получила диплом, имея к этому времени семью - жену и маленького сына.

Соболевский женился на дочери английского специалиста, работавшего в Пулковской обсерватории. Однако брак с танцовщицей Маргаритой Сток не принес счастья. Однажды при странных и запутанных обстоятельствах жена Соболевского исчезла. Сам Соболевский не любил говорить об этом периоде своей жизни, хотя несколько раз и пытался выяснить судьбу первой жены. По слухам, она уехала с другим человеком в Америку.

Юрий, сын Соболевского и Сток, крещенный как католик, погиб в годы гражданской войны, сражаясь на стороне белой гвардии.

Последствия этого брака ощущались Соболевским почти 15 лет. Об этом чуть позже.

Второй женой молодого горного инженера становится Ольга Мартыновна Гибшман.

Ольга Мартыновна происходила из обедневшей немецкой семьи фон Гибшманов и родилась в городе Вильно, где у семьи было небольшое имение. Получив начальное воспитание дома, Ольга поступила в институт благородных девиц в своем городе, где ярко проявились ее вокально-музыкальные данные. Любовь к пению была настолько велика, что однажды под предлогом отъезда в гости к соседям по имени она бежала в Петербург и самостоятельно поступила в консерваторию.

Вступительные экзамены были сданы настолько успешно, что Ольга Соболевская была зачислена в класс одной из лучших

вокальных педагогов консерватории Ирещкой. Наталья Александровна Ирещкая принадлежала к славной плеяде русских вокалисток, чьими голосами и педагогическим мастерством создавалась слава русской вокальной школы не только дореволюционной, но и послеоктябрьской России. Ирещкая была выдающейся камерной исполнительницей. В числе ее друзей и знакомых были композиторы Рубинштейн, Гунд, Бизе, Делиб, Сен-Санс, писатели Флобер, Мопассан, Тургенев.

На уроках у Ирещкой Соболевская получила прекрасное образование и развил свой природный талант. Ирещкая особое внимание уделяла развитию равности и гибкости голоса, подвижности во всех регистрах. Много сил педагог тратила на воспитание у учеников самостоятельного творческого мышления. На одном из публичных балов Петр и Ольга познакомились и сразу понравились друг другу. Петр рассказал своей молодой подруге о семейных проблемах, считая неправе умолчать о том, что был женат. Для Ольги же пути назад не было.

И тут Соболевскому приходит предложение занять кафедру геодезии и маркшейдерского искусства в технологическом институте в Томске. Сибирь поманила чету Соболевских своей давней либеральной настроенностью, показалась землей обетованной, без социальных условностей. Учи!.. Общество и здесь не сразу приняло молодых.

Едва устронившись, Соболевские, как это было принято, отправились нанести визиты ряду положенных лиц - директору, декану, ряду профессоров. И что же? Горничные встречали обоних, помогали раздеться, провожали в гостиную, но... в гостиную принять нового преподавателя выходила только глава семьи. Жены местных профессоров не стремились встретиться с Ольгой Мартыновной.

После исчезновения первой жены Петр не мог оформить свой брак с Ольгой. По бракоразводным законам того времени на разыск пропавшего без вести супруга отводилось 10 лет. При этом надо было еще давать ежегодно объявления

в «Консисторских ведомостях» о разыске. Преступить закон - пойти на двоеженство - было для Петра Константиновича равносильно преступлению. Трагизм гражданского брака Соболевских заключался в том, что муж принимался перед и всеми, а невенчанная жена - нигде и никем.

Лишь в 1913 году Ольга Мартыновна и Петр Константинович оформили свой брак. На свадьбе присутствовал пастор томской церкви и кенди костела.

Супруги Соболевские как-то естественно влились в музыкально-общественную жизнь томского отделения Русского музыкального общества. Первые концерты принесли успех Ольге Мартыновне, завязались новые знакомства с педагогами музыкальных школ. В доме Соболевских по четвергам стали собираться музыканты и кое-кто из музенирующих профессоров университета и технологического института.

Петр Константинович готовил программы музыкальных вечеров, часто аккомпанировал певицам и инструменталистам. Умел Соболевский делить время между музыкой и научной работой. Он заказал в Германии различные оптические и геодезические приборы, после получения установил их на пригорке вблизи главного корпуса технологического института и организовал первую в Сибири геодезическую полевую лабораторию.

У Петра Константиновича и Ольги Мартыновны было трое детей: два сына и дочь. Жизнь каждого достойна своего рассказа. В их судьбах отразилась наша великая и трагическая эпоха.

Старший сын Петр стал известным советским киноактером. Второй сын, Константин, прекрасный художник, был репрессирован в студенческие годы и погиб в лагерях. Дочь Ольга Станиславовна прожила долгую жизнь (умерла в возрасте 94 лет), много лет была солисткой музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко в Москве.

Станислав ВАВИЛОВ.

Родом из привислинского городка...

ОКОЛО 20 лет проработал в Томске очень интересный режиссер и актер Владимир Владимирович Гардинин. Приехав в 1940 году из Бийска, он сразу же заявил о себе спектаклем «Пушкин и декабристы», поставленным им по собственной композиции из произведений Василия Каменского. На четыре военных года Гардинин уехал в Кемерово с томским театром, ставшим с 1941 года кемеровским. Проработав несколько лет основным режиссером и художественным руководителем Томского областного театра, по состоянию здоровья оставил профессиональную сцену и возглавил созданный им же драматический коллектив Дома учеников, ставший впоследствии Народным театром.

В 1955 году Владимир Владимирович переехал в Московский Дом

ветеранов сцены, где прожил 21 год, заработав каламбурный титул «истеран Дома ветеранов».

Автор этих строк неоднократно писал о жизни и творчестве В.В.Гардинина, но явно не хватало материала о его происхождении, детских годах, о его родственниках. И вот недавно удалось получить эпистолярные материалы - его переписку с сестрой Ольгой Владимировной, с алтайской учительницей Зоей Васильевной Соколовой, - по которым стало возможным восстановить белые пятна в биографии В.В. Гардинина.

15 ФЕВРАЛЯ (по новому стилю) 1882 года в небольшом привислинском городке (Польша) Александро-Куянском, вблизи немецкой границы, в семье почтового чиновника Владимира

Константиновича Дитриха и Елены Ивановны, урожденной Базилевич-Клижинской, родился сын-первенец, которого окрестили в православной церкви (по вероисповеданию родителей) и нарекли, в честь отца, Владимиром. Через год родилась дочь Евгения, затем, через четыре - Мария. По словам младшей дочери Ольги, родившейся в 1896 году, отец успешно «авансировал» по служебной лестнице и вскоре был назначен начальником почты в уездном городе Ченстохове, там и родился Ольга, после чего через год отец переехал в Плоцк (тоже начальником), где старшие дети стали учиться в гимназиях.

Родители В.В. Гарденина.
Мать -
Елена Ивановна Дитрих
(урожденная
Базилевич-Кияжиковская),
снимок 1908 года.
Отец -
Владимир Константинович
Дитрих
(1896 год).

Володя
Дитрих
(Гарденин).
1899 год.

Сестра
Ольга
(Варшава,
1914 год).

ЗДЕСЬ, наверное, уместно рассказать о немецкой фамилии этой семьи. Из записок Ольги и Владимира Дитрихов становится ясно, что еще в наполеоновскую войну 1812 года прадед их, молодой немецкий лейтенант родом из Саксонии, пришел с армией Наполеона в Россию. Но до Москвы не дошел, а остался с гарнизоном в городе Гродно, где был даже комендантом. После изгнания французской армии прадед (к сожалению, имя его не упоминается) остался в Гродно, женился, там же родился у него сын Константин, а в 1850 году и внук, т.е. отец Евгения, Марии, Владимира и Ольги. А по

материнской линии, как вы поняли, предки были польских кровей.

СТАРШАЯ сестра Евгения пошла работать на телеграф, вышла замуж за поляка и уехала в Польшу. Младшая, Ольга, с 1922 по 1945 год жила у Евгении и только после войны вернулась в Россию, где с радостью встретилась с Мариной, вышедшей к тому времени замуж за Владимира Федынского.

Владимир в 1902 году поступил на медицинский факультет Московского университета, но явной тяги к медицине он не испытывал, да и события 1905 года мешали учиться юноше с фамилией Дитрих. Он пошел работать в театр и поступил учиться в студию Художественного театра под чужой фамилией. Познакомившись с великим Станиславским, Владимир, по его совету, принял театральный псевдоним

Гарденин. Известный адвокат Ф.Плевако, по просьбе Константина Сергеевича, помог Владимиру уладить вопрос с документами.

В 1909 году отец в возрасте 59 лет умер. Мать, оставшаяся вдовой, скончалась в 1921 году в Миргороде. Владимир не возвращался больше в Польшу. Свою богатую актерскую и режиссерскую жизнь он прослужил в основном в театрах Сибири. Умер Владимир Владимирович Гарденин в 1976 году на девяносто пятом году жизни.

Владимир СУЗДАЛЬСКИЙ.

Снимки
из архива
автора.

АРХИТЕКТОР НОСОВИЧ

У ВАН Каликст Феодосиевич Носович родился 14 (27) октября 1862 года в семье мелкопоместного дворяншина в г. Ровно Волынской губернии.

В 1883 году Носович поступает в Санкт-Петербургский Императорский институт гражданских инженеров. В 1889 году он закончил институт со званием инженера с правом на чин X класса и 17 февраля 1890 года назначается младшим архитектором строительного отделения при управлении приамурского генерал-губернатора. Известно, что за создание триумфальных арок и украшений города Хабаровска к приезду императора Александра III Носович был произведен в титулярные советники и награжден памятным подарком.

6 ноября 1893 года Носович назначен в Семипалатинскую область архитектором. В 1896 году за выслугу лет награжден серебряной медалью для ношения на груди на армейской ленте. С 1897 года по назначению степного генерал-губернатора И.Ф. Носович состоял заведующим инспекцией Семиреченской области. Здесь он проводил предварительные изыскания и расчеты для целого ряда ирригационных систем. Не имея возможностей в эти годы заниматься реальным проектированием, И.Ф. Носович принимает активное участие в крупнейших архитектурных конкурсах России.

Так, в 1897 году он получает третью премию на Всероссийском архитектурном конкурсе «Колония рабочих при фабрике Товарищества Российско-Американской резиновой мануфактуры». В семитомную архите-

ктурную энциклопедию второй половины XIX века Г.В. Барановского включены два проекта И.Ф. Носовича. Публикация в столь авторитетном профессиональном издании являлась большой честью для любого архитектора того времени.

В 1899 году Носович переезжает

оставляет конкурсную работу. Среди построек, автором которых является Носович, известны: дом начальника Томского завода (1900), собственный дом архитектора в Барнауле (1907), здание римско-католического костела в Барнауле (1909), Народный дом в Бийске.

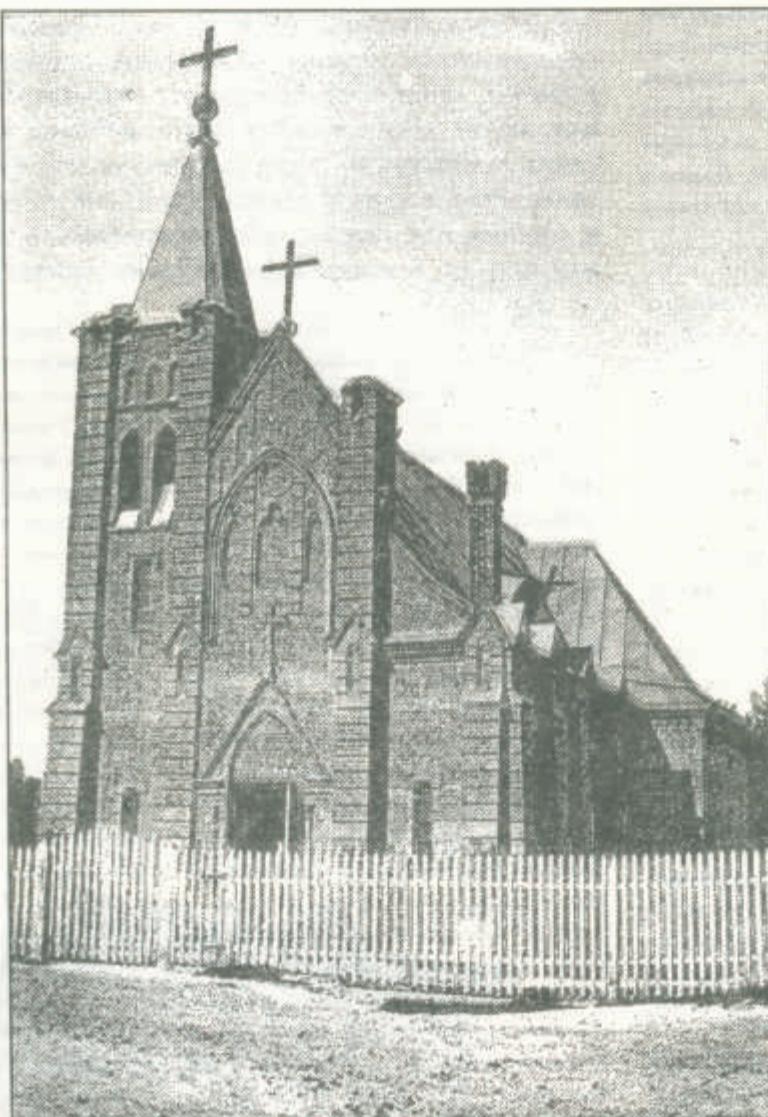
И.Ф. Носовичу принадлежит особая роль в формировании архитектурного облика городов и сел Алтая.

В 1913-1916 годах по проекту Носовича была осуществлена реконструкция горной лаборатории в Барнауле (ул. Ползунова) под краеведческий музей. Здание до сих пор сохраняет вид, приданый ему этим архитектором.

До 1989 года сохранился дом И.Ф. Носовича (Барнаул, ул. Чернышевского, 152), деревянный двухэтажный, с угловой башенкой и балконом, с резными наличниками и карнизом. Это был не только памятник городской жилой архитектуры и формах эклектики, но и памятник, связанный с жизнью городского архитектора краевого центра начала XX века.

К сожалению, несмотря на протесты общественности, краеведов и ученых, дом И.Ф. Носовича в 1989 году был разобран в связи с новостройкой.

Самым значительным произведением И.Ф. Носовича на Алтае стал Народный дом в Бийске, известный под названием «дом Копылова», так

Католический костел в Барнауле. Фото 1914 года.

в Барнаул и поступает на службу техником по строительной и дорожной части Алтайского округа. Именно здесь наиболее ярко раскрылись его творческие способности. В начале своей деятельности он осуществляет безвозмездный надзор за строительством Народного дома в Барнауле по проекту архитектора И. Ропета. Носович активно ведет проектирование и строительство казенных зданий, не

как строился по инициативе и на средства этого бийского предпринимателя, ныне в этом красивом здании эклектичной архитектуры размещается Бийский городской драматический театр.

И.Ф. Носович проектировал церкви и часовни для городов и сел Алтая. По заказу настоятельницы барнаульского Богородице-Казанского женского монастыря игумении Парфении И.Ф. Носович построил на Соборной (ныне - Свободы) площади часовню (1909 год), каменный храм Иконы Казанской Божьей Матери на территории монастыря (начало XX века), деревянные церкви на каменных фундаментах во многих селах. Большая часть культовых сооружений Носовича не сохранилась.

И.Ф. Носович был просвещенным общественным деятелем. С 1908 года он являлся председателем Общества попечения народного образования, на протяжении нескольких лет состоял действительным членом Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Российского Географического общества.

После 1917 года И.Ф. Носович по-прежнему остается городским архитектором в Барнауле. В 1918 году он разработал проект лесопильного завода на берегу Оби. Будучи активным членом Общества городов-садов, Носович создал проект плана города-сада в северной части Барнаула.

В 1929 году архитектор покинул Алтай, уехал в Krakow. Дальнейшая судьба И.Ф. Носовича неизвестна нам. Но живы его строения, в фондах Государственного архива Алтайского края хранятся архитектурные проекты и документы с автографом И.Ф. Носовича.

Тамара СТЕПАНСКАЯ.
г. Барнаул.

Сибирская
старина

24

Судьба Казимира Зеленевского, для которого Сибирь стала второй родиной

Среди многих польских семей, живших в Томске, известностью пользовались Зеленевские. Виктор Маньковский, выступая в 1934 году в Варшаве на съезде выпускников томских школ, говорил:

«За семьей Зеленевских признаны большие заслуги перед польской колонией. Каждый, кто перешагивал порог их дома, всегда встречал сердечный прием, мог обратиться за советами. Если для людей состоятельных было приятно найти в чужом доме своих земляков, то легко понять, какое облегчение давало такое знакомство с семьей Зеленевских тем, кого судьба забрасывала в Сибирь для поиска себе нормальных условий существования, или для тех, кто был насильственно вырван из родной среды».

РАССКАЗ об этой большой семье начнем с ее главы, Казимира Яковлевича Зеленевского, оказавшегося в Сибири не по своей воле. Начальные сведения о нем дают статейный список и прочие документы, сопровождающие путь ссыльного в Сибирь. В 1864-м участнику польского восстания было девятнадцать лет, «росту он был 2 аршина 5,5 вершка (т.е. около 167 см), волосы светло-русые, рот прямой, лицо чистое». В разделе «Проникновение» указывалось - «из крестьян».

Семья Зеленевских жила в деревне Трацепичи Цыринской волости Новогрудского уезда Минской губернии. Благодатный климат и плодородная почва сделали уезд одним из процветающих земледельческих районов региона. Поэтому естественным для юноши был выбор места учебы - земледельческое училище. Тем более что в соседней Могилевской губернии, в уездном городе Горы-Горки еще в 1840-м открылась одна из первых земледельческих школ в России. На ее основе в середине века были созданы институт, который долгое время оставался единственным в России, и училище, устав которого, принятый в 1859-м, послужил образцом для других земледельческих училищ России.

Судьбу юноши перевернули события 1863-64 годов. Восстание, начавшись в Польше, перекинулось на территорию Белоруссии и Литвы: в 1863 году произошло 237 вооруженных столкновений, одним из центров восстания

стали Горы-Горки. Участие в восстании приняли многие студенты института (поэтому впоследствии он был закрыт), а также ученики земледельческого училища. В «митинговскую шайку» вступил и Казимир Зеленевский.

Первые успешные выступления горецких повстанцев остались без поддержки, и после царского манифеста 31 марта 1863 года отряд сложил оружие. Обещание Александра II - «Мы даруем полное и совершенное прощение тем обывателям Западных губерний, вовлеченные в возникшие в них беспорядки, которые, не подлежа ответственности за иные уголовные преступления, возвратятся к долгу повиновения до 1 будущего мая» - не было выполнено. В числе многих в ссылку в Сибирь после суда были отправлены матросики из Горы-Горки.

По конфирмации главного начальника Западного края Казимир Зеленевский был сослан для подворения на казенных землях в Тобольскую губернию. Та же участь постигла другого ученика земледельческого училища Станислава Подмостко (24 года, из крестьян Виленской губернии). Долгий путь в Сибирь они проделали вместе в составе 46-й партии, и, видимо, не случайно еще долго в различных списках их фамилии встречаются рядом.

Дорога ссыльных в Сибирь была трудной, особенно для тех, кто следил в отдаленные края с семьей. В донесении московского жандармского штаб-офицера сообщается, что прибывшие с пассажирским поездом «до 30

семейства уроженцев Западных губерний в сопровождении чинов внутренней стражи заявили, что... дорогой у них умерло трое малолетних детей, с плачем и жалобами обращались они к находившимся при встрече поезда, поэтому многие из сожаления давали милостыни».

Партии, отправляемые в Сибирь, состояли из 200-400 человек и сопровождались командой из офицера, барабанщика, 25 рядовых пеших гарнизонных солдат и четырех конных городовых казаков. На каждом этапе предоставлялось четыре одноконные подводы, куда каждый мог положить дорожную сумку весом до тридцати фунтов (т.е. около 12 кг).

К ссылочным в Сибири относились с большим сочувствием. В Тобольске каждый раз по прибытии новой партии на пристани собирался народ, а «женины на виду конюх подносили к глазам платки». В Тобольске окончательно решалась судьба ссылочных. Здесь рассматривались и приводились в порядок все документы.

Партия, в которой следовал Зеленевский, прибыла в город летом 1864 года. Это было время массового поступления ссылочных. История сибирской ссылки ранее не знала такого притока. Численность партий была увеличена, иногда вместо ожидаемой одной в неделю поступало

две. Тобольский тюремный замок, рассчитанный на 250 подсудимых и 500 пересыльных, был переполнен в два-три раза. Если к апрелю 1864 года в Сибирь прибыло 1008 человек, то к 15 июня Тобольским приказом о ссылочных было зарегистрировано 3165 человек. Между тем поток к осени нарастал.

Тобольским губернским правлением Зеленевский и Подмостко распределялись в Омский округ, в Крупинскую волость.

Место возвращения юноши можно считать удачным. В Омске и округе было много повстанцев из Горецкого отряда: Франц Городко, их соученик, Ануфрий Заболоцкий, Болеслав Коссаковский, Иван Двораковский, Людвиг Ростовский, Иосиф Бушович. Жители Крупинской волости приветливо встречают ссылочных. Вот как доносит об этом омский тюремщик 24 марта 1865 года тобольскому губернатору: «...партия из 19 человек прибыла в Омский округ, возвращена в село Крупинское. Крестьяне приняли их дружелюбно и гостепримично, некоторые из них заявили, что за пищу ничего брать не будут».

Казимира Зеленевскому в Крупинской волости местом возвращения была назначена деревня Каргановка. Жителей в ней 106 человек, и ссыл-

ные, как и предписано законом, составляют от пяти до десяти процентов от коренных жителей. Зачисленные в категорию государственных крестьян, возвращенцы могли получить на обзаведение хозяйством и покупку дома 55 рублей на семью, но ее было явно недостаточно, и большинство отказывалось от пособия. Кроме того, все рассчитывали на скорое возвращение на родину. Надежду поддерживали царские милости.

Казимиру Зеленевскому удалось воспользоваться некоторыми послаблениями, дающими право свободного выбора мест проживания и жизни в городах. В декабре 1864 года фамилии Зеленевского и Подмостко встречаются в «Списке политических преступников, проживающих в городе Омске». Оба причислены к податному сословию: Подмостко находился в услужении у купца Кузнецова с платой 6 рублей в месяц, Зеленевский ничем не занимался, получая пособие от казны.

Благодаря «Ведомостям о лицах, состоящих под полицейским надзором» удается проследить пребывание Зеленевского в Омске до 1867 года. В 1868 году ссылочным при хорошем поведении разрешены были разъезды, давалась полная возможность заработка, но снижалось пособие.

1870 год застает Казимира Зеленевского на Троицком шинокуренном заводе Ерофеева в Канске Томской губернии.

В 1873-1875 годах на возвращенцев распространяется целый ряд милостей: они освобождаются от надзора полиции, от просмотра корреспонденции, им разрешается заниматься иногородней, приписываться к городским сословиям вместе проживания.

Осенью 1874 года Казимир Зеленевский с женой Аделандой Фоминичной, урожденной Юшкевич, и годовалой дочерью переехал в Томск. В начале сентября на имя жены оформляется усадьба в центре города - на улице Обруб. Участок земли с деревянным домом и строениями (145 квад-

Дом Зеленевских. Томск, ул. Обруб, 6.
Фото начала 1990-х годов. Снесен.

ратных саженей) был приобретен Зеленевскими у канцелярского служащего Михаила Николаевича Петрова, который достался ему от отца, владевшего этим участком с 1851 года.

Приобретение дома не помешало, однако, Зеленевскому попытаться покинуть Сибирь. В июне 1875 года он обратился в Главное управление Западной Сибири с прошением о разрешении возвратиться в Минскую губернию, желая воспользоваться Высочайшей милостью. В сентябре получил ответ, что ходатайство не подлежит удовлетворению.

О первых годах жизни Зеленевских в Томске известно мало. В начале 1880-х Казимир Яковлевич устраивает в цокольном этаже дома завод для очистки вина холодным способом, начинает торговлю. Одновременно на углу улиц Магистратской и Еречевской покупает участок земли с садом, с огородом и со строениями, оставляет без изменений двухэтажный деревянный дом, копию которого, только к однотажному производственному помещению, в котором раньше располагалась мыловарня, а теперь предназначенному для салотопенного и дрожжевого завода, делает пристройку для парового котла.

В 1887 году на углу Киевской и Никитской берет в аренду у города участок земли (2880 квадратных саженей), годом ранее покупает деревянные заводские постройки и устраивает пивоваренный завод. В 1890 году завод производит четыре тысячи пивных тонн на 4400 рублей в год, что плаво меньше томского завода Крюгера, но по количеству сортов никому не уступает - их пять, а преобладает «банарское» и «народное». На заводе работают двое мужчин и женщина, которые живут при заводе и получают от 10 до 15 рублей в месяц. Зеленевский организует сеть пивных лавок: в собственном доме, на Новособорной площади в доме Королева, на станции Тайга и т.д.

Много сил Казимир Яковлевич отдает усадьбе на улице Обруб. Весной 1889 года подписывает проектный чертеж у городского архитектора Хабарова и начинает возведение двухэтажно-

го дома, типичного для городской жизни застройки конца XIX века. Бревенчатый сруб был рублен «в лапу». Прямоугольный в плане основной объем с четырехскатной кровлей имел два прируба, которые служили лестничными клетками (с северо-запада и юго-востока). Карниз среднего выноса был

зательством укрепления склонов горы каменной подпорной стеной.

В 1910 году в усадьбе на Обрубе Зеленевский закладывает последнюю из своих построек - каменный однотажный дом с подвалом на месте деревянных однотажных флигелей. Его проект был утвержден в 1913 году, наблюдение за строительством было поручено архитектору В.Ф. Оржевко. Это единственное строение, которое сегодня сохранилось от усадьбы, где семья жила по 1918 год исключительно. Казимир Яковлевич умер в сентябре 1917-го, был похоронен на католическом кладбище.

Зеленевские были признанными прихожанами. Казимир Яковлевич был действительным членом Римско-католического благотворительного общества. В 1909 году вместе с Оржевко и Татарчуком входил в комитет по постройке в городе нового костела. Жена Зеленевского, Аделаида Фоминична, была членом Совета убежища для бедных детей при Римско-католическом обществе, участвовала во многих благотворительных акциях Общества пособия о начальном образовании и других.

Семья Зеленевских была многодетной: четыре дочери и четыре сына, не считая умерших во младенчестве. Старшая, Аделаида (родилась в 1873 году), стала акушеркой. Софья и Эрнестина работали в поликлинике библиотеке, которая долгое время располагалась в доме Зеленевских. Больше известно о Маргарите (1882). Она окончила томскую Мариинскую гимназию, затем Санкт-Петербургские высшие женские курсы, в 1911 году - медицинский факультет Томского университета. Сын Виктор (1884) умер в 1911-м в Томске от чахотки. Двум другим сыновьям, Эдуарду и Казимиру, передался общественный темперамент отца. Эдуард стал военным, в звании полковника сражался в армии Колчака против большевиков и погиб в 1919 году. Казимиру было суждено прославить фамилию, став известным художником. Его имя встречается во всех основных европейских биографических словарях художников.

Алия ОВЧИННИКОВА,
сотрудник Томского
областного художественного музея.

К. Зеленевский. Портрет А.Ф. Зеленеской, матери художника.
ТОХМ. Публикуется впервые.

Маргарита
Кузьмична
Зеленеская.
Фото
начала
1900-х.
ГАТО.
Публикуется
впервые.

профилирован, фриз обшил тесом. Дом был скромно декорирован: на местах соединения бревен - резные пилasters, на окнах - наличники с простым орнаментом. Оформление дома завершала аксессуарная решетка балкона и парапета.

В подвале расположилась пивная, первый этаж первоначально сдавался пивной управляющему казенной палатой Захарину, а второй занимала семья хозяев.

В 1891 году территория усадьбы Зеленевских увеличилась на 200 квадратных саженей, стала шире прымывать к Воскресенской горе, через три года покупается у города еще 15 квадратных саженей на задах за 225 рублей с обя-

Автор благодарит В.Черняк и В.Ханевича
за указание на некоторые материалы, использованные в статье.

 НАЧАЛЕ XIX века жители Томска католического вероисповедания не имели своего храма. Они снимали для молебствий помещение в частном доме на Духовской улице (ныне ул. К.Маркса, 5). Это был самый первый каменный жилой дом в Томске, построенный в 1792-1795 годах купцом М.Мыльниковым.

Естественно, католики хотели иметь свою церковь, к тому же они располагали Высочайшим соизволением на это, полученным в 1806 году. Тогда же было утверждено пребывание римско-католического священника в Томске. Первым куратором, т.е. настоятелем Томского прихода Могилевской епархии был назначен в 1807 году Маркел Каминский, суперинтендант незуитского ордена. В 1820 году его заменил ксендз того же ордена Теодор Валюшинич, а с 1821-го ксендз бернардинского ордена Яков Юревич, в помощники к нему был назначен викарием о. Ремигий (Алонасевич). В 1825 году Юревич умер, а о. Ремигий был назначен куратором.

В 30-е годы XIX века в Томске увеличилось число католиков за счет ссыльных, участников польского восстания. Их стало больше, но они были бедны и не могли что-либо поклоняться.

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ (ПОЛЬСКИЙ КОСТЕЛ)

На подлиннике подписано:

Губернаторъ Ковалевскій

Жертвовали на церковь не только католики, но и православные крестьяне. Костел начали строить на Богоявленской горе, на том месте, где ранее стояла первая в Томске Троицкая церковь. Православные выражали по этому поводу недовольство. Однако храм был выстроен и освящен ксендзом Ремигием Алонасевичем 1 октября

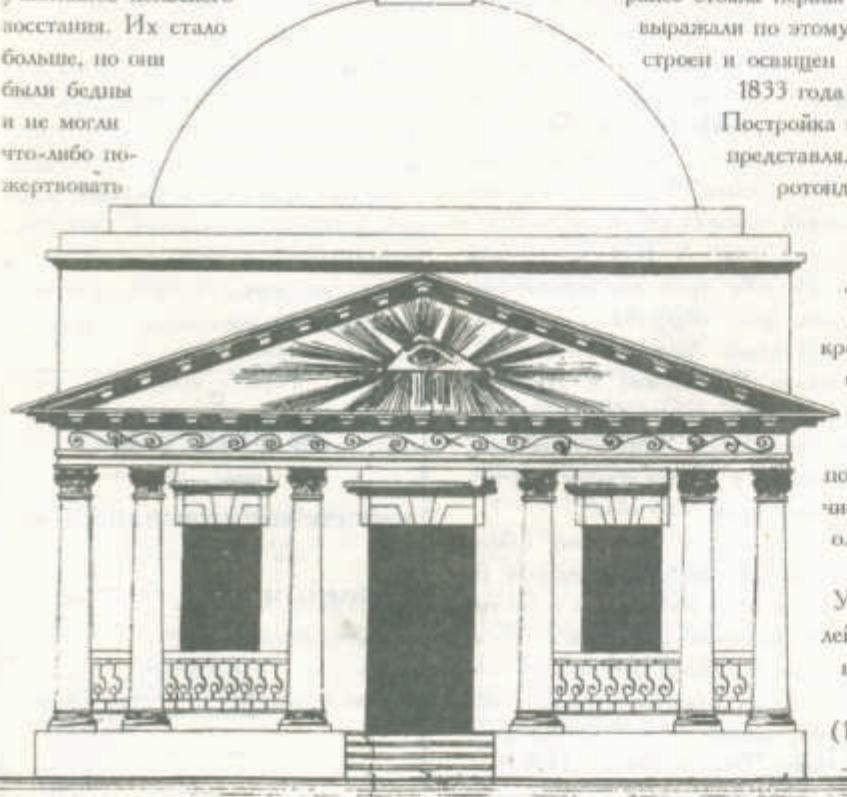
1833 года во имя Пресвятой Богородицы Покровской. Постройка была произведена в итальянском стиле. Она представляла в плане прямоугольник, заканчивающийся ротондой, а с противоположной стороны папертью, опирающейся на шесть крупных кирпичных колонн. Здание имело следующие размеры: длина - 18, ширина - 10, высота - 12 метров со включением галухого купола с деревянным крестом, обтянутым жестью. Такие же кресты были установлены над алтарем и на фронтонах. Снаружи и внутри стены были опущены и выбелены. Все полы, крыша и покрытие на куполе были деревянные. Окончив строительство храма, но потеряв здоровье, о. Ремигий вынужден был в 1835 году отпраздновать на покой в Могилевский монастырь. Усердием и заботами последующих настоятелей - священника ордена доминиканцев Иеронима Гриччеля (1835-1862), почтенного могилевского каноника Иосифа Энгельгардта (1862-1867), магистра богословия, священника Иустина Захаревича (1867-1882),

на строительство церкви. Тогда они предложили свои руки, т.е. стали добровольными каменщиками, плотниками, штукатурами. Но их надо было на что-то содержать.

О. Ремигий продал все свое имущество, купил двух или трех лошадей с экипажами и отирился объезжать обширный приход, тянувшийся чуть ли не до Омска. В пути он исполнял трябы, попутно собирая пожертвования на храм.

Брат приходилось все, что дышали: хлеб, масло, яйца, трубы холста. Все это он свозил в Томск, снабжая семью строителей, или обращал веневые пожертвования в деньги, а затем снова отправлялся и объезд своего прихода.

Фасад римско-католического костела проекта 1830 года (копия 1891 года). Подлинник подписали томский гражданский губернатор Ковалевский и архитектор.

почетного каноника Луцкой коллегии, священника Валериана Громадского (1883-1898), ксендза Скибневского (1898-1900), магистра богословия Демикиса (1900-?) - храм наполнялся церковной утварью, реставрировалась, обновлялась. Так, в 1842 году удалось покрыть железной крышей купол, а в 1846 году и весь костел. В 1880-м деревянные кресты были заменены железными с вызолоченными шариками.

В 1863 году с левой стороны пристроено каменное отделение для ризницы, в 1880-м все три алтаря заменены новыми, а в 1883-м сооружены новый вызолоченный цибориум (дарохранительница) и 10 новых скамеек. В пристройке деятельное участие принимал гражданский инженер Шрайер. Первый орган приобретен был в 1862 году, а в 1902-м был установлен новый, соруженный на добровольные пожертвования.

В 1837 году на пожертвования прихожан между домом для причта (ныне ул. Бакунина, 4) и костелом была выстроена деревянная колокольня, обшитая тесом. На ней висели два колокола в 8,5 и 9,5 пуда. Вместо этой первой колокольни в 1856 году появилась новая, очень красивая, из кирпича. Она была устроена в виде ворот с тремя колоколами над ними. Говорят, план этой колокольни составлен был Г.С.Батеньковым. Однако есть утверждение, что автором проекта ворот с колокольней являлся В.К.Фадеев.

8 сентября 1895 года состоялось освещение вновь отделанной церкви. В Томске, не считая уездного населения, католиков насчитывалось до 4000 человек, а в костеле могло поместиться едва 600-700. При проезде через Томск викарного епископа Ципляка был решен вопрос о постройке второго костела. Проект его утвердило министерство внутренних дел. Но этим планам не судено было сбыться.

Юрий ФЕДОРОВ.

Благотворительное общество

для оказания помощи нуждающимся римско-католического вероисповедания открылось в Томске при католическом храме Покрова Святой Богородицы в 1893 году.

B

О ГЛАВЕ благотворительного общества стояло правление, в которое избирались наиболее влиятельные и уважаемые в городе католики. Председателем правления, например, состояла одно время курат костела ксендза И.Демикис, а членами правления - Антон Николаевич Валда, жена врача Люция Доминиковна Орнешко, преподаватель гимназии Иосиф Антоно维奇 Быстрицкий.

Важной задачей правления было отыскать средства для благотворительности. Они складывались из членских взносов, доходов от спектаклей и концертов в пользу общества. Немалый вес принадлежал добровольным пожертвованиям. Примером их немало. Так, томич Войцех Францевич Яворский завещал обществу свой деревянный дом. А К.Я.Зеленевский взял на себя труд по организации ремонта дома общества. Прожившие в Полыне Людовик Хелмицкий, Станислав Карпинский и Людовик Смаковский помогли вернуться на родину одиннадцати соотечественникам, отбывавшим в Томске ссылку за участие в восстании 1863 года.

Интересно, что польскому благотворительному обществу помогали не только поляки и католики, а и многие русские православные томичи. Безвозмездно оказывали медицинскую помощь членам благотворительного общества врачи Г.Е.Сибирцев и И.Г.Яшин. Томские купцы - И.К.Якимов, И.М.Некрасов, Е.Х.Некрасова, А.Ф.Громов. Торговые фирмы «Е.Осипов и М.Ярославцев», «Технико-Промышленное бюро» делали

процентные скидки на свои товары для общества.

Благотворительное общество поддерживало нуждающихся продуктами питания, дровами, денежными пособиями, помогало подыскать работу. А для самых дряхлых и одиноких, недавно бывших ссыльных, общество устроило «убежище для старцев». В специально выстроенном в 1908 году просторном доме была поставлена необходимая мебель, закуплены белье, одежда, продукты. Еще до официального открытия в убежище поселилось восемнадцать стариков.

Наибольшую заботливость проявляло благотворительное общество о детях-сиротах, детях из бедных семей. Поэтому едва ли не первой крупной акцией общества было открытие 12 ноября 1900 года убежища для бедных детей. Располагалось оно в собственном доме, выстроенном обществом на частные пожертвования.

В убежище принимали детей в возрасте от четырех до двенадцати лет, они получали крон, еду, одежду, могли учиться. Малыши учились в самом убежище, с ними безвозмездно занимались Ж.К.Сальманович и Ф.Я.Шостаковская. Дети постарше ходили в школу, открытую и содержавшуюся также благотворительным обществом,

XX ОТЧЕТЪ

ПРАВЛЕНИЯ

РИМСО-КАТОЛИЧЕСКОГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

при Томской парохиї

ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

за 1903 годъ.

— — — — —

Отчетъ сего отпечатанъ Редакторомъ Печатного и гравировального
Издатель Собрание 21 марта 1904 г.

ЧУДО-СЛОВІ
записки купца Б.В.Борисова
1903

XIX

Отчетъ

ПРАВЛЕНИЯ

Римско-Католического Благотворительного Общ

ТОМСКОЙ ЦЕРКВИ

Покрова Пресвятой Богородицы

за 1913 годъ.

Этотъ отъ Юрия Юриевича Бончика въ память Нашего Государя.

ТОМСКЪ.
Типография Дома Трудолюбия.
1914.

обучались Закону Божьему (его преподавал священник, настоятель костела Иосиф Демикис), русскому и польскому языкам, чистописанию и арифметике.

Как и в других детских учебных и воспитательных учреждениях Томска, в польском убежище существовало попечительство, которое внимательно следило за учебой и здоровьем детей. На лето они вместе со своими воспитателями отправлялись на дачу, расположавшуюся на земле Ксендзинка. А в 1903 году по приглашению врача В.С. Пирусского, организатора Общества физического развития, воспитанники убежища отдыхали в колонии этого общества. Умели в детском убежище устраивать веселые праздники - на Пасху, на Рождество. В сорочинник для детей и бывших воспитанников убежища, которых приглашали специально, готовили праздничный стол, а потом зажигали свечи на елке и раздавали подарки.

Благотворительная деятельность католического общества была широка и разнообразна. Она стала возможной благодаря постоянной помощи со стороны жителей Томска, и не только католиков.

Ирина СЕМЕНОВА,
ведущий археограф
Госархива
Томской области.

Польские ордена

Особенности государственного устройства, сложившегося в Польше к XVII веку, сказывались на развитии польских орденов, ограничивая его в той же мере, в какой ограничивалась и власть избираемых сеймами королей. Шляхетство относилось к орденам с недоверием, усматривая в них покушение на республиканские принципы своего полного правового равенства.

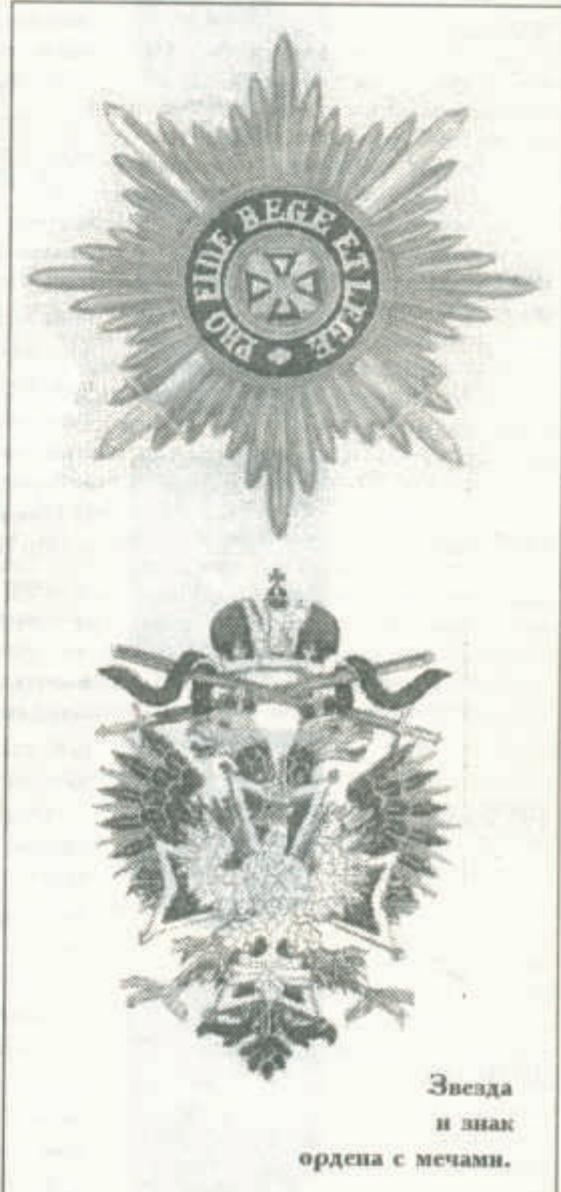
В 1634 году, в правление Владислава IV, папа Урбан VIII утвердил статут польского ордена Непорочного зачатия девы Марии. Однако инициатор создания ордена коронный канцлер Юрий Оссолинский вскоре встретился с такой оппозицией, что существование ордена и ношение его знаков стало невозможным.

В 1705 году польский король Август II учредил орден Белого Орла.

ПЕРВОНАЧАЛЬНО это был знак в виде медальона с изображением белого орла и с девизом PRO FIDE, REGE, LIBE (за веру, короля и закон). В девизе на знаках, предназначенных для королей, слово REGE заменялось GREGE (папство, в данном случае общество). Первым кавалером этого ордена в России был Петр I. В 1707 году знак получил форму креста, а в 1713-м стал носиться на ленте синего цвета.

При Станиславе Августе Понятовском был учрежден второй польский орден - св. Станислава. Это произошло в 1765 году. (Живший в XI веке краковский епископ Станислав был убит королем Болеславом прямо в церкви, и с XIII в. причислен к святым и признан патроном Польши). Девиз ордена PREMIANDO INCITAT (награждая поощряя) характерен для отношения к орденам в конце XVIII века. Знак ордена представляет собой крест красной эмали с инициалами SS (св. Станислав), носился на красной ленте с двумя белыми полосками по краям.

Понятовский учредил еще один

Звезда
и знак
ордена с мечами.

Гербы Польши

1295 год.

XV век.

1919 год.

1927 год.

1955 год.

1990 год.

польский орден, неключительно военную награду, что подчеркивало и его название «*VIRTUTI MILITARI*» (войнской доблести). Этот орден, появившийся в 1792 году, получили польские офицеры, отличившиеся в предшествующем в это время войне с Россией. На лицевой стороне в черном медальоне - белый орел, а на лучах - слова девиза. На оборотной - латинская аббревиатура «*SAPR*» (Станислав Август король Польши) и изображение литовского герба.

После поражения Наполеона существование польских орденов было прервано, но недолго. В 1815 году Александр I (русский император), провозгласив себя королем Польши, восстановил их, внеся некоторые изменения в статуты.

Во время восстания 1830-1831 гг. революционное командование награждало офицеров серебряным крестом «*VIRTUTI MILITARI*» старого типа. Грубым оскорблением национального достоинства польского народа было решение Николая I награждать именно этим орденом участников подавления восстания. Эти знаки отличаются от польских датой - 1831 год. С 1834 года награждения более не проводились, и существование ордена в капитуле российских орденов прекратилось. В Польше же этот орден возвращался в 1916 году и «дожил» до настоящего времени. Во время второй мировой войны, наряду с польскими солдатами, офицерами и генералами, сотни советских воинов, отличившихся при освобождении Польши от гитлеровцев, стали кавалерами «Виртути милитари».

Ордена Белого Орла и св. Станислава просуществовали в России до 1917 г. и получили название императорско-царских орденов. Знаки обоих претерпели существенные изменения.

Орден Белого Орла стал одним из самых высоких отличий государства, значась по старшинству сразу после ордена св. Александра Невского. В числе его кавалеров были великий русский адмирал П.С.Нахимов, получивший знаки ордена в 1855 году за оборону Севастополя, недолго до своей гибели, и знаменитый художник И.К.Айвазовский.

После второй мировой войны и до

Звезда.

Знак ордена (оборотная сторона).

недавнего времени, в период «социалистической народной Польши», было пять орденов и четырнадцать медалей.

1. Орден «Строителей народной Польши». Учрежден в 1949 г. - высший государственный орден Польши.

2. Орден «Возрождения Польши» (учрежден в 1921 г., реорганизован в 1944 г.), имеет пять степеней.

3. Орден «Виртути милитари».

Нам пишут

Альманах [№ 11] прочитал почти весь. Очень хороши очерк Э.Майданюка о профессоре Малиновском и материалы, посвященные памяти краеведа Юрия Федорова.

Важной рубрикой кажется мне «Томский биографический словарь».

Украшает альманах и обзор краеведческих журналов Н.Дмитриенко. Нигде в периодике я подобных обзоров вообще не встре-

Высший воинский орден. После 1943 г. имеет шесть степеней. Им были награждены маршалы СССР И. Конев и К. Рокоссовский.

4. «Грюнвальдский крест». Учрежден 20 февраля 1944 г. Воинский орден за боевые заслуги и заслуги в деле укрепления ВС ПНР.

5. Орден «Знак труда» учрежден в 1949 г. для награждения за заслуги в деле строительства социализма.

Из медалей хотелось бы назвать «Крест заслуги» (3-х степеней), «Крест храбрых» (боевая медаль), медаль «За отличие на поле боя» (3-х степеней), «Партизанский крест» и др.

История польских орденов является одной из интереснейших страниц из книги истории Польского государства. Но хотелось бы отметить, что книга эта в советской редакции содержит много неточностей и искажений. Автор этой статьи попытался правдиво рассказать об истории орденов. Но сделать это в полном объеме в рамках небольшой статьи трудно. Поэтому я отсылаю читателей, заинтересовавшихся этой темой, к литературе:

Хольдер Г. Ордена и медали ПНР. - Варшава: изд-во Министерства нац. обороны (на польском языке).

Спасский И.Г. Иностранные и русские ордена до 1917 г. - Ленинград. 1963. - С. 68.

Дуров В.А. Ордена России. Москва, 1993. - С. 131.

Всеволодов И.В. Беседы о фаленнистике. - Москва: «Наука», 1990. - С. 161.

MERICKA V. Orden und auszeichnungen. - Prague: «Artia», 1966.

Владимир ПОЛЫГАЛОВ.

нал, а ведь в краеведении, по моему, уже созрела потребность в таком направлении литературной критики и библиографии.

Мне кажется, кризисные ситуации в краеведении зачастую возникают там, где доминирует историческое просветительство. Ориентация только на просветительскую работу, по-моему, чревата застоем.

Валерий БЕЛОБОРОДОВ, редактор ежемесячного приложения «Краевед» к газете «Новости Югры» (Ханты-Мансийск).

Член попечительского совета Западно-Сибирского учебного округа
Г. И. Лаврентьев

Были кавалеры ордена Белого Орла и среди томичей. Один из них - Леонид Иванович Лаврентьев.

Родился он в 1835 году.

В 1858-м окончил Императорский

Московский университет.

Специализировался по римскому

праву. После стажировки

в Германии преподавал

в Лицее цесаревича Николая

(сохранились воспоминания

о нем как об искусном лекторе).

Преподавательская деятельность

Леонида Ивановича закончилась

в 1881 году, когда он стал

инспектором

Московского учебного округа.

Административная деятельность

также проходила чрезвычайно успешно.

Известно, например, что позднее,

когда он служил уже попечником попечителя

Петроградского учебного округа,

Петрозаводск избирает Л.И.Лаврентьева почетным своим гражданином за содействие улучшению школьного образования.

С 30 июля 1899 года Л.И.Лаврентьев - попечитель

Западно-Сибирского учебного округа.

Главнейшая трудность, с которой столкнулся Лаврентьев в этой должности - беспорядки в учебных заведениях.

Неукоснительно придерживаясь взгляда: школа - место для учения, но не для политики, новый попечитель соответственно и действовал

в отношении нарушителей этого принципа.

Нужно сказать, что значительная часть томской интеллигенции в связи с этим относилась к нему неприязненно.

Примером тому могут служить письма Г.Н.Потанина, в которых тот, подчеркивая неприятие какого-либо события, в перечне лиц, в нем участвовавших, называет и

«...Лаврентия, попечителя». Пик конфронтации с томским обществом приходится на время после русско-японской войны. Дело дошло до желания Л.И.Лаврентьева

уйти от должности, но... одно из серьезнейших российских ведомств оказалось ему существенную поддержку.

Примерно в то же время последовала и высокая награда.

1 января 1906 года тайный советник Л.И.Лаврентьев был удостоен ордена Белого Орла.

Сохранилось любопытнейшее свидетельство этого события - автограф новоиспеченного кавалера на почтовой открытке:

«9-го янв. 906 г., понед., 10 часов утра.

Сейчас отправил тебе заказное письмо и забыл в нем сказать, что к Новому году я удостоился великою Монаршю милостью:

мне дали, совершенно для меня неожиданно и вне правил

«Белого Орла». Орден необычайно высокий:

Сухотин (любимец Государя) только в прошлом, 1905 году, его получил».

В должности попечителя

Западно-Сибирского

учебного округа

Л.И.Лаврентьев прослужил

практически

до самой своей кончины

в сентябре 1914 года.

Александр КАЗАЧКОВ.

СИБИРСКИЙ ХАРАКТЕР ЭЛЕГАНТНОЙ ПАНИ

Будущая художница родилась в Барановичах (Белоруссия) в семье инженера Эдварда Березовского. Ей дали имя Мария, но чуть не с первых дней стали называть Майей - по ассоциации с цветущим временем года, когда она родилась, и шутливо сравнивая с героиней картины Франсиско Гойи «Майя обнаженная». Как называли, так и получилось: больше всего в жизни она любила цветы и рисовать обнаженное тело.

Отец Майи работал на крупных стройках России, но самая яркая страница в его биографии - строительство Транссибирской железнодорожной магистрали. Его специальностью были мосты и туннели. До сих пор многие из них служат людям, привлекая внимание изяществом, простотой и какой-то необъяснимой и неисчерпаемой надежностью. Есть сведения, что в память о нем одна небольшая станция над Байка-

Так выглядела бы Джоконда
в стиле Майи Берзевской.
Пародия Э.Лисинского.

лом носила название Березовская. По крайней мере, запомнилась он как человек энергичный, неутомимый, с выдумкой (дочь много унаследовала от него).

Семья в полном составе (родители и трое детей) кочевала по Сиби-

*Рисунки польской художницы
Майи Берзевской (1898 - 1978)*

*никак не дают представления о ее возрасте,
жизни и личных переживаниях.*

*В легких воздушных штрихах рождаются
и живут особой жизнью на бумаге прелестные
дамы-искусительницы и обожающие их мужчины
- вечные взаимоотношения и вечные проблемы
в декорациях разных времен.*

*Глядя на них, мы просто ощущаем
восторженное восприятие жизни автором
и в то же время легкое подтрунивание
над слабостями людскими.*

*Когда в начале 60-х в городах Сибири
стали продавать журнал «Шпильки»,
удивительный мир пани Берзевской
открылся и нам.*

*И был, кстати, сразу замечен
и легко узнаваем. Но и в мыслях не было
связывать чувствственный графический мир
несравненной Майи
с нашим суровым
сибирским красм.*

*А такая связь,
оказывается,
существует.*

Но лучше все по порядку.

ри, обживая в тесных условиях участок от Челябинска до Байкала. А когда настало время учебы, Майю и ее сестру Элю определили в школу в Петербурге.

Эля училась прекрасно, а с Майей и учитель, и родители имели немало хлопот. Подражая Айседоре Дункан, она могла прийти на занятия в легкой тунике и сандалиях на босу ногу. Иной раз уводила весь класс с уроков на лужайку, где вся детвора с посторонгом плысалась босиком на траве.

Каникулы девочка проводила на Украине, у любимой бабушки, в деревне. Музыка, танцы, купание в реке, верховая езда - все это было прекрасным дополнением к той замале, что она получила в Сибири.

КОГДА У МАЙИ обнаружили талант художника, отправили учиться в мастерскую Николая Константиновича Рериха. В восемнадцати лет девушка уже имела персональную выставку в Киеве. Посетители ее четко разделялись на два лагеря: восхищенных и возмущенных. Так подействовало ее пристрастие к обна-

Одна из довоенных работ
М.Березовской.
Львовский журнал «Щелчок».

женной натуре. Кумирами ее были Боттичелли, Брейгель и, конечно, Рубенс. Но она никогда не опускалась до подражания и, имея за плечами две академии (Краковскую и Мюнхенскую), продолжала

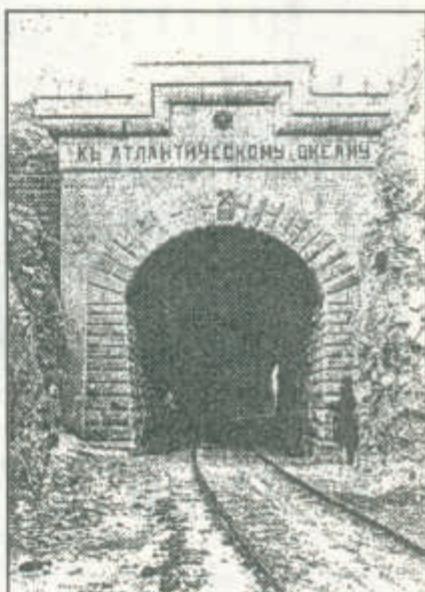
жить в своем воздушном, изящном и озорном мире, хотя внешне и не соответствовала субтильным фигурам своих геронинь.

Именно в таком ключе она выполнила иллюстрации к «Декамерону», и они стали сенсацией. Они открыли ей двери Парижа, куда Майя приехала в 1933 году.

Публикуясь во многих иллюстрированных журналах, она выполнила заказанный ей цикл рисунков «Любовные приключения очаровательного Адольфа», герой которых бесспорно походил на Гитлера. По требованию германского посла ее предали суду и подвергли штрафу в... 1 франк. Но этот эпизод не прошел бесследно: годы войны она провела в лагере смерти Равенсбрюк.

Трудно представить, как это у нее получалось, но и там она продолжала рисовать. Причем не лагерные кошмары с извращениями и надсмотрщиками, а мирные сценки и портреты заключенных. Последние выглядели на ее рисунках всегда лучше, чем в жизни, и эта маленькая лесть пробуждала в женщинах-узницах же-

Забайкальская железная дорога.
Восточный портал туннеля
на 592-й версте.
Яблоновый хребет.

лание выкинуть наперекор всему. Там же, в лагере, Майя придумывала проекты детских игрушек, украдкой рисовала и передавала по рукам озорные рисунки, вызывавшие улыбки на измученных лицах заключенных.

Осмелюсь заметить, подобное поведение - талант, проявляющийся большей частью в экстремальных условиях. Те, кто скитался по Сибири, кого судьба забрасывала в самые дикие и неприспособленные для жизни уголки, припомнит множество подобных примеров. Но это тема отдельного разговора.

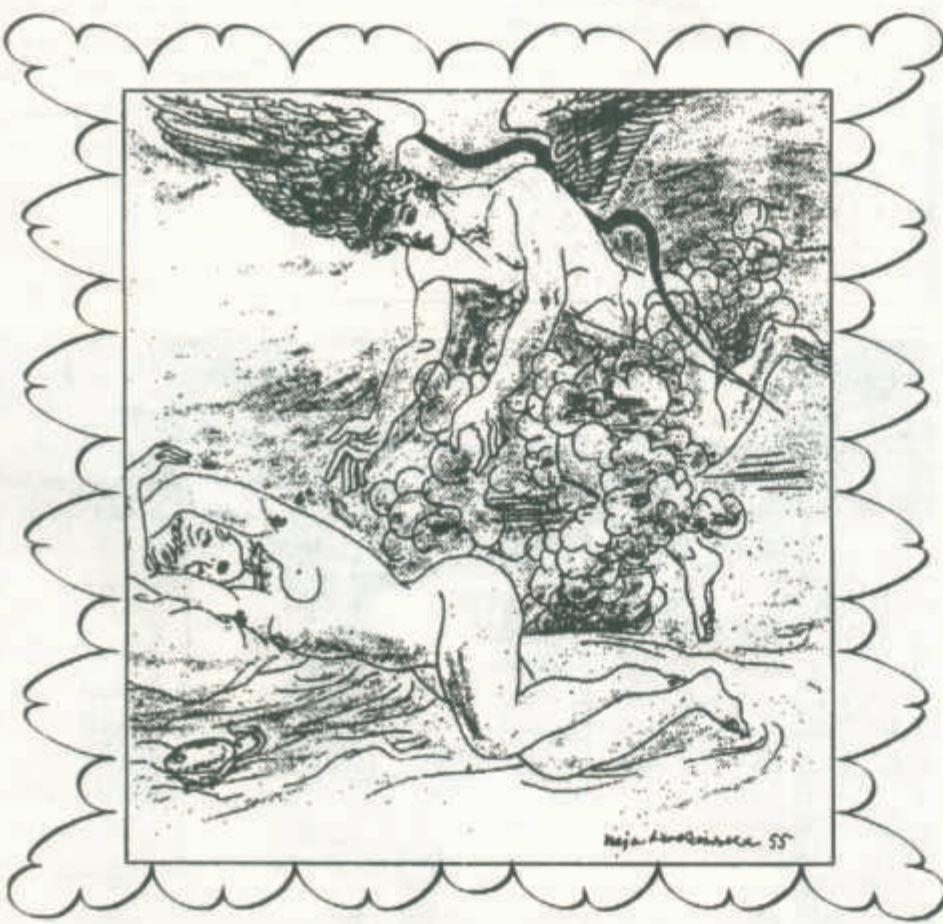
С окончанием войны узницы Равенсбрюка находились под опекой шведского Красного Креста. Майя Березовская некоторое время жила и работала в Стокгольме, затем вернулась в родную Польшу.

Над одним из туннелей Транссиба, построенным отцом, Майя могла прочитать в детстве: «К Атлантическому океану». Все и сложилось в соответствии с этим напутствием. Но приятный российский акцент так и остался у нее на всю жизнь.

Эдуард МАЙДАНЮК.

Сибирская
старина

33

Одна из типичных работ М.Березовской. 1955 год.

Томск.
Университетская библиотека.

Теплый привет из Варшавы

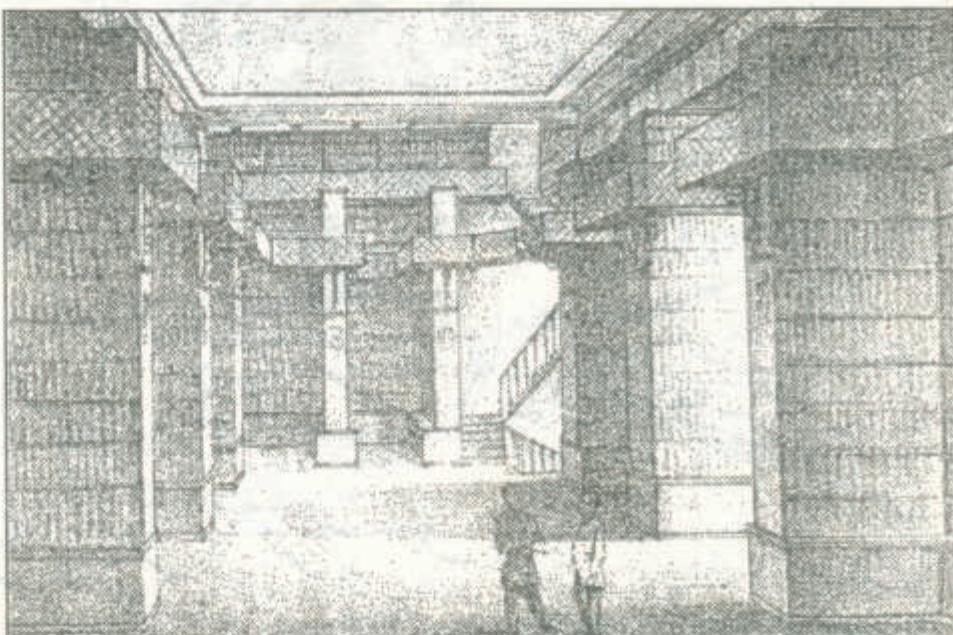
Первый в Сибири университет был открыт в Томске в 1888 году. Но еще в конце семидесятых, когда было принято решение о его строительстве, в Томск стали поступать книги для будущей университетской библиотеки. И какие книги!

Среди поступлений тех лет - известное в Европе по роскоши своей собрание графа А.Г.Строганова, книги из библиотеки князя С.М.Голицына, библиотеки цензора А.В.Никитенко, поэта В.А.Жуковского, бывшего министра внутренних дел графа П.А.Валуева... Первоначально библиотека располагалась в главном корпусе университета, однако уже через несколько лет стало ясно, что места для книг там явно недостаточно. К 1900 году все отведенные помещения оказались настолько

СТРОИТЕЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНТОРА
Т. ГОДЛЕВСКІЙ и К°
ФИРМОВЫЕ КОМПАНОНЫ
Т. ГОДЛЕВСКІЙ и Н. ВИГУРА
ИНЖЕНЕРЫ
г. Варшава, Лешно № 27.
№ 3140
С М Б Т А
на устройство центрального отопления и вентиляции здания библиотеки и актового зала при Императорском Томском Университете.

переполненными, что новые поступления приходилось складывать в подвале. Стало совершенно очевидно, что без отдельного здания для библиотеки не обойтись. И вот в мае 1912 года приступили к его строительству. В июле 1914-го библиотека была полностью готова.

Автор проекта, талантливый сибирский архитектор А.Д.Кричков, учел пожелания совета университета и библиотечной комиссии и предусмотрел в новом здании большой актовый зал и помещения для занятий профессоров и сотрудников библиотеки. Во время строительства было применено немало новшеств - монолитные железобетонные перекрытия этажей, железобетонные стропила над просторным актовым залом...

Но хотелось бы отметить особо высокий уровень технического оснащения библиотеки.

Новое здание было оборудовано центральным отоплением, вентиляцией, электрическим освещением.

Проект отопления и вентиляции был разработан не где-нибудь, а в Варшаве, на улице Лешно, 27. Строительно-техническая контора «Т. Годлевский и К°» предложила заказчику два типа отопления - паровое и водяное, рекомендуя второе как более прогрессивное. Каждый отопительный прибор снабжался краном-регулятором, а магистральный трубопровод, проведенный только в подвальном помещении, имел теплоизоляцию. Верхняя разводка отвергалась из-за разной высоты отдельных частей здания, что вынудило бы вести трубы внутри отапливаемых помещений. Забегая вперед, скажу, что последующие модернизации внедрили то, от чего так предостерегал Т. Годлевский. В святая святых - книгохранилище - разводка идет теперь наверху, внутри помещения, и при этом трубы не изолированы. Давно не работает и предложенная польскими теплотехниками калориферная система, подававшая в помещения свежий воздух, подогретый до заданной температуры и увлажненный в соответствии с нормами хранения ценных книг.

Все сказанное приводит к обобщениям. Во-первых, мы должны быть благодарны таким профессионалам, как сотрудники фирмы «Т. Годлевский и К°», за то, что они предусмотрели все до мелочей, чтобы хорошо было и людям, и книгам. Во-вторых, разруха в экономике и культуре началась не сегодня и не вчера, а в далекий теперь уже год, когда вооруженный кувалдой «мастер-универсал» пришел переделывать на свой лад систему инженера Т. Годлевского.

Эдуард МАЙДАНЮК.

В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ БУРЬ

Пожалуй, одним из самых знаменательных и одновременно трагичных периодов в жизни сибирских поляков (как и всех сибиряков) были первые революционные годы и время гражданской войны. Для польских колоний в Сибири эти годы, помимо «чисто российских» событий, вобрали в себя и много своих национальных: резкий рост польских общественных и политических организаций в 1917 году, рост их активности и одновременно полярности во взглядах на будущее Польши и России, восстановление польской государственности и польско-советская война 1920 года, Рижский договор и депортация на родину...

Многое о жизни томской польской колонии в эти годы могут рассказать мемуары Виктора Маньковского, в прошлом одного из чиновников Томского налогового управления, а после возвращения в Польшу в 1921 году президента Налоговой палаты в г. Познани. Со своими воспоминаниями он выступал на съезде бывших выпускников томских школ в Варшаве 20 мая 1934 года. Реферат выступления В. Маньковского был опубликован в журнале «SYBIRAK» (№ 3 за 1938 год) под названием «Поляки в Томске в 1910-1921 годах».

«Сибирская старина» предлагает выдержки из этого реферата своим читателям.

В КОНЦЕ января 1917 года я поехал в Петербург сдать экзамены для продвижения по службе на должность руководителя Налогового управления Томской губернии. Экзамены начали сдавать еще во время монархии, а закончили уже при республике. Попав в подворот столичных событий и возвращаясь домой, в дороге я чуть не погиб вместе с женой, которая меня сопровождала в поездке в столицу. Вернувшись в марте в Томск я застал все уже изменившимся. Исчез губернатор со своим окружением, а административную власть принял эсеровский комитет во главе с одним из местных адвокатов. Директор реальной школы был смешен с должности своими учениками как монахист. Фермент революции распространялся вокруг, захватывая все новые и новые учреждения. Так, например, в Управлении железной дороги. Налоговому управлению появились комитеты, стремящиеся сместить бывших начальников или ограничить их компетенцию.

В конце 1917 года власть захватили

большевики и создали свои Советы, выбирая для их размещения самые лучшие дома. Однако же пока все государственные должности были сохранены, только в наиболее значительных учреждениях власти появились свои специальные комиссары - люди

для слежения и шпионства.

Для большинства, которое было далеко от власти, этот период нашествия большевиков не был столь острым, как для людей, находящихся на ответственных должностях.

...Очень конкретно я это испытал на себе. В то время я руководил Налоговым управлением, будучи заместителем его председателя. В Управлении железной дороги появился

Герб
Союза
сибиряков
Польши.

комитет рабочих, который взялся реформировать все железнодорожное хозяйство, якобы плохо руководимое до того времени обюрократившимися чиновниками. Появились широкие проекты исправления якобы имеющихся ошибок в коммуникациях, проекты улучшения работы транспорта и т.п., что требовало гигантских средств.

В феврале 1918 года делегаты комитета, властивущие на железной дороге, пришли ко мне в Налоговое управление с требованием выдать на указанные цели 5 миллионов рублей. Конечно, я отказал, потому что отдавал себе отчет, что должен буду отвечать за незаконную выдачу денег. Но через несколько дней безуспешных требований делегатов, а также большевистского комиссара Налогового управления Газукина члены комитета и комиссар, вооруженные револьверами, арестовали меня и препроводили в ревком.

Через несколько часов шумных споров и угроз со стороны комитетчиков мне было позволено уйти домой с условием, что если не выдам требуемой суммы в понедельник, то предстану перед революционным судом и буду отвечать как контрреволюционер, который приводит железнодорожные коммуникации в расстройство. Это значило одно - расстрел.

В понедельник Налоговое управление было изолировано, телефоны отключены. Денег я все-таки не дал, и дело для меня могло окончиться трагически, если бы не счастливая случайность. Во вторник пришла

депеша от комиссара финансов из Петрограда, согласно которой комиссар Газукин стал начальником Налогового управления. Через полчаса после вступления в свою должность Газукин выплатил деньги.

Описываемое общее расстройство передалось и польской колонии. Все были неуверенны, всех пугали дальнейшие последствия. Власть большевиков продолжалась в городе полгода. Вследствие переговоров с чехами и их активного выступления, организованного в это время, власть большевиков пала на территории всей Сибири. В конце мая 1918 года все активные большевики в Томске тайно убежали ночью на двух пароходах, направляясь через Нарым в европейскую часть России и оставляя местных коммунистов на произвол судьбы.

В это время стали возникать польские воинские части, из которых была сформирована 5-я сибирская

дивизия, располагавшаяся в Ново-Николаевске. Польская колония в Томске поддерживала эту акцию, собирая деньги на нашу армию. Молодежь в большом количестве вступала в ее ряды. Мы были потрясены видом этих молодых людей, которых знали еще с детства, в военной форме с польскими орлами. Не все вернулись. Семьи некоторых даже не узнали, какой смертью они погибли. Такая судьба, например, постигла Чеслава Шокальского. Окончив университет и будучи освобожденным от воинской службы, патриотично настроенный, он вступил добровольцем в польскую армию и обычным рядовым отправился до Ново-Николаевска. Мы никогда его больше не видели. Погиб также молодой юрист Корчевский, сын нотариуса, который, будучи призванным в русскую армию, перешел затем в армию польскую.

В колчаковской армии тоже были поляки. Среди них особенно отличался Эдвард Зеленевский - необычайной физической силой и отвагой. Быстро дослужился до звания полковника и много содействовал успехам на фронте. Получил ряд наград, в том числе так называемое золотое оружие. Погиб он под Пермью при наступлении большевистских войск. Останки покойного Зеленевского были привезены в Томск, где при участии армии и толпы людей со всего города торжественно погребены на католическом кладбище. Во время похорон пришло известие о присвоении покойному Эдварду Зеленевскому звания генерала.

При формировании правительства

В Ново-Николаевске 19 марта поляки праздновали день тезоименитства генералов польской армии - Юзефа Пилсудского и Юзефа Галера. Был проведен парад. Присутствовали на параде и банкете представители иностранных миссий, поляки-промышленники.

«Русская речь». -
1919. - 22 марта.

Бывший товарищ прокурора Читинского окружного суда, прокурор Владивостокского суда С.В.Любодинский в апреле 1919 года подал министру юстиции прошение об увольнении от службы вследствие выхода из русского подданства в порядке закона 20 марта о выходе из русского подданства лиц польской национальности.

«Забайкальская иопь». -
1919. - 15 июля.

адмирала Колчака несколько связанных с Томском поляков получили высокие должности. Вице-министром финансов был назначен Ян Хроновский, бывший глава Налоговой палаты в Томске. На должность директора Отдела выплат была переведен тогдашний глава Имущественной палаты Юзеф Маршанг. Я получил предложение от министра Михайлова перейти в министерство на должность начальника Отдела налогов, но отказался, потому что решил как можно меньше связываться с российскими делами, чтобы* при первой же возможности выехать и начать работать в Польше.

...Просуществовав год, власть адмирала Колчака пала, а сам он был расстрелян в Иркутске вместе с шефом своего правительства Пепельевым (из томичей). Приговоренный к тюремному заключению, вице-министр Хроновский умер от тифа в Омске. Директор Маршанг жил до 1920 года в Иркутске, содержался некоторое время в концентрационном лагере, однако все пережил и счастливо вернулся в Томск.

Падение колчаковской власти болезненным эхом отразилось на польской колонии из-за неуверенности в своей судьбе, которая нагнеталась и тем, что накануне появления триумфующих большевиков появились известия о том, что наша 5-я дивизия попала в плен под ст. Ключевской.

Красные пластители сразу начали вести себя иначе, чем во время первого пришествия. Во всех учреждениях власть приняли большевистские комиссары, началось преследование людей, которые считались монархистами, более активных деятелей

23 и 24 июля в Омске прошло собрание организационного комитета польского съезда. Участие в нем принимали представители польских общин - иркутской, красноярской и челябинской, представители Омского соединительного совета, Ново-Николаевского исполнительного комитета и представитель польского военного комитета. Собрание единогласно пришло к заключению о необходимости созвать всесибирский польский съезд 10 августа. Местом съезда избран город Иркутск. На съезде в качестве его секций будут работать торгово-промышленный съезд и съезд представителей школьного и высшего образования. Право выбора на съезд принадлежит всем полякам Урала и Сибири без различия пола, вероисповедания, достигшим 20 лет и зарегистрированным в местной польской организации.

«Сибирская жизнь». -
1919. - 23 июля.

колчаковского правительства и бывших офицеров. Так называемые «белые», «контрреволюционеры» массово расстреливались. Казни проходили по утрам за городом в лесе в стороне Воскресенской горы. Шпионство и доносительство поражающее распространялось, и никто не был уверен в завтрашнем дне. Постоянно по ночам происходили обыски в квартирах и препровождения до тюрьмы. Из-за идущей войны большевиков с Польшей за поляками следили, некоторых содержали в концентрационном лагере или бросали в тюрьму.

Большевики забрали этаж в доме настоятеля костела и устроили там малороссийский клуб, где происходили шумные оргии, особенно во время богослужений и по ночам.

В первый пасхальный день 1920

года плотно расставленные патрули не пропускали никого из идущих до костела, а в это время коммунисты производили обыски по квартирам, старательно перетряхивая все ящики и заглядывая во все углы, отбирая при этом драгоценности.

Начало не хватать продовольствия, одежды, обуви. Жизнь стала неописуемо тяжелой. Интеллигенцию стали заставлять выполнять самую черную работу под угрозой высылки в другие местности. Реквизиция самых лучших квартир и комнат доводила до страшной тесноты. Так, например, в нашей 5-комнатной квартире, где в нормальные времена помещалась моя семья из 4 человек с двумя служами, помещалось 4 семьи (15 человек).

Среди поляков, главным образом прибывших во время войны, пошлились большевики. Пользуясь обстоятельствами, при которых сопротивление им стало невозможным, они обнаглели в наивысшей степени. Забрали Народный дом и проводили там собрания, на которых произносили антипатриотические речи перед собирающейся менее культурной публикой и натренивали ее на более зажиточных людей и интеллигенцию. Из библиотеки были конфискованы книги самых лучших писателей. Руки какого-то выродка-коммуниста сорвали со стены польского орла...

Перевод и подготовка к печати
А.КИСЕЛЯ и В.ХАНЕВИЧА.

Сибирская
старина

37

Томск, 1917 г.

В фонде нашего музея хранится снимок, на котором, как гласит надпись на обороте:
«Группа рабочих поляков ст. Тайга Том. ж.д. 22/VI-29 г.».

Надпись сделана красными водянистыми чернилами, возможно, вскоре после съемки. Указание точной даты наталкивает на мысль о том, что фотографировались в связи с каким-то событием.

Снимок поступил в музей давно. Об этом свидетельствуют старые инвентарные номера.

Несмотря на то, что прошло более шестидесяти лет, и фотография выцвела и пожелтела, лица мужчин и женщин узнаваемы. Вглядитесь в них. Возможно, вы узнаете себя, родственников, знакомых или сослуживцев.

Кто на снимке? В связи с каким событием была произведена съемка? Почему именно «группа поляков»?

Напишите нам. Возможно, с вашей помощью мы глубже узнаем свою историю.

КТО НА СНИМКЕ?

Группа рабочих поляков на станции Тайга. 1929.

НАШ АДРЕС: 634050, Томск, пр. Ленина, 75. Томский государственный объединенный историко-архитектурный музей.

Л. КИСЕЛЕВА, хранитель.

ВСПОМНИТЬ

«Артиш Болеслав с кубометров приехал в тот день, днем еще сам в сельсовет выпилиши находил доложиться, что приехал. Насилу его тогда из сельсовета домой вытолкали, а вечером уже под конвоем опять привели... Возят и возят мужиков, заведут в сельсовет, запишут что-то, посовещаются начальники между собой о чем-то. Отведут арестованных мужиков в нардом под замок, а сами за другими...» (Нардом - это, по злой ironии, народный дом или клуб. - В.К.)

Бот так просто, буднично делалось это по российским и сибирским деревням. В городах, напряженно

прислушивались к моторам ночных автомобилей, к гулким шагам по лестнице, к стуку в соседнюю дверь. Так в страхе проходили недели и месяцы. Деревни вычищали и один-два «зазата». И тем, кто остался, некогда было безоглядно предаваться горю:

«...Когда возвращалась домой, в селе была неслыханная могильная тишина. Вернувшись к себе, я услышала ржание и мычание некормленных и непосененных коров и лошадей, корова стояла недосянная. И так было в каждом доме, всюду были слезы, боль, обида и недоумение: что могло случиться? За что такая кара на людей? Долго стояла такая нелюдская тишина в селе, а только мычание коров. Но потом стали выходить женщины и кормить скотину. Она была ни в чем не виновата...»

Рассказы людей записаны историком Василием Ханевичем. Это свидетельства жителей Белостока - поселка, возникшего на рубеже XX века на северо-западе тогдашней Томской губернии. Основали его поляки-переселенцы, отсюда и название, которое как бы связывало их с далкой родиной.

Жили, обустраивались, возделяли землю. Задумали построить костел и построили. Между тем Россия вступила в свое роковое время - революция, гражданская война, строительство социализма, раскулачивание. И, наконец, Большой Террор, который не миновал и самых малых человеческих поселений.

«Белостокская трагедия» - назвал свою книгу о «черных страницах в истории родного Белостока» Василий Ханевич. В авторском предисловии читаем: «В первую очередь книга эта о моих земляках... И в то же время эта книга и о судьбах многих десятков тысяч поляков, чьи судьбы оказавшихся на территории Сибири...».

Да, геноцид поляков - явление массовое, масштабное. Но сила книги именно в конкретных судьбах, в живых рассказах односельчан, которые действуют на читателя сильнее, чем яростные заклятья новоявленных «борцов».

Лет 6-7 назад началось в среде просвещенной публики то, что Юрий Власов точно определил как «коллективное прозрение». Как чертики из табакерки повышали откуда-то пламенные трибуны. Газеты с готовностью предоставляли им полосы. Меня как ведущего лнтстрадиции, помню, завалили так называемыми антисоветскими стихами. Сколько пафоса, извивательности, иронии, смелости! Каждый поронил прокричать громче, пролезть в первые ряды, чуть ли не расталкивая других локтями.

ВСЕХ... ■ ■ ■

Наш автор тоже воспользовался изменившейся общественной ситуацией. Но по-своему. Действительно, стали приоткрываться архивы карательной службы государства. И Ханевич весной 89-го отправился в Томский КГБ, чтобы получить ответ на запрос о судьбе родственников. Шел, как он признается, с немалой долей страха. Встретивший его «вежливый молодой человек» лишь прочел заранее сделанные выписки из уголовных дел и не разрешил ничего записывать. Ханевич продолжал добиваться доступа к архивам. И это ему в конце концов удалось (да и время работало на нас).

Из воспоминаний очевидцев и архивных документов сложилась

главная часть книги - страшная хроника террора против сотен жителей Нарымского округа, против белостокцев.

Одним из мифов, которые устраивали, как говорится, и наших и ваших, был рожденный в 60-е годы миф о направленности карательной машины на интеллигенцию. Дескать, главные сатрапы боялись ее свидетельств и разоблачений. Да ничего они не боялись. Но гласно реабилитировать в хрущевскую пору несколько сот известных России имен было еще возможно. А сказать, что советское государствоело войну против своего народа, было просто самоубийственно для того же Никиты Сергеевича. (Даже того, что он себе позволял, ему не прощали). Так вот, книга Ханевича - еще один камень, сокрушающий этот миф. Сельские учители, колхозные крестьяне, сторож костела, полуграмотные старки - все были отданы, как пишет автор, «в жертву существующей системе человеконенавистничества».

Некоторые судьбы Ханевичу удалось проследить более подробно. Вот ксендза Николай Михасенок, которому после допросов, видимо, было предложено сделать признание и который написал на клочке бумаги: «У меня есть желание, чтоб народ во всем мире веровал. Больше писать ничего не могу». Вот Станислав Бах, который служил органистом в костеле (новосибирском), но в отличие от знаменитого своего однофамильца канул в безвестность, был расстрелян...

1938 год - страшный год в истории Белостока, но это не вся его история, а потому в книге вы найдете главы об основании поселка, о постройке храма, о том, как создавался колхоз...

Отдельная глава «Вершили судеб» рассказывает о палачах - и о ретивых изобретательных садистах, и о молчаливых исполнителях. Приходится, к сожалению, констатировать вместе с автором, что после хрущевских разоблачений «подавляющее большинство НКВДзинских палачей не пострадало, а продолжало активно работать в системе карательных органов... Они были нужны продолжавшей функционировать системе советского тоталитаризма».

Мне хочется отметить несомненные литературные способности автора, которые счастливо сочетаются здесь с талантом исследователя.

Я читал несколько писем из обширной почты Ханевича. Это письма разных людей - русских, поляков, из разных мест, по-разному написанных. Объединяет их одно - признательность автору за его труд, подтверждение нужности сделанного.

Владимир КРЮКОВ.

Василий Антонович Ханевич недавно стал лауреатом международного конкурса Союза журналистов Польши среди публицистов Полоний мира.

Сибирская
старина

39

ОБ АВТОРЕ. Базан Чеслав Эдвардович (1924 г.р.), сын учителя из г. Пружаны, Брестской области, ссыпан 20 июня 1941 г. в Колпашево Томской области вместе с матерью и младшим братом. Отец арестован в апреле 1941 г., освобожден немцами из тюрьмы в Бресте. Старший брат убежал в 1941 г. из СССР на немецкую сторону, был арестован гестапо в 1944 г. и попал в лагерь "Трасс Розен". Погиб неизвестно где при эвакуации лагеря на запад в феврале 1945 г. Сам автор в 1943 г. призван в польскую армию, после войны окончил физический факультет, работал научным сотрудником. На пенсии занялся историей ссыльных поляков в 1941-1944 гг. в Нарымском крае.

Фото 1992 г.

Этапы горя

17 сентября 1939 года восточные районы Польши были внезапно захвачены и присоединены к СССР. Начались аресты. 10 февраля 1940-го произошло первое масштабное переселение поляков на восток. Известно, что часть их оказалась впоследствии в лагерях на Чулыме и Улу-Юле.

В июне - начале июля 1941-го несколько тысяч поляков прибыло в Нарым. Они были депортированы из Львовской, Брестской, Белостокской областей, из окрестностей Вильнюса в самый канун немецкого нашествия. Последние эшелоны со ссыльными даже подвергались бомбардировке.

Условия перевозок не отличались от тех, в каких везли других ссыльных и «врагов народа» - в товарных закрытых вагонах с решетками в окошках, под стражей. Раз в день выдавали кое-какой еды и паек хлеба. А были и такие эшелоны, в которых ничем не кормили, люди питались тем, что им было дозволено с собой захватить.

Доставленные по железной дороге одни в Томск, другие в Новосибирск, переселенцы ехали дальше вниз по Оби переполненными пароходами. Потом их перегружали на баржи и увозили дальше по рекам Чая, Кеть или Васюган в распределительные пункты. Там начинался «торг», или «ярмарка рабов», - председатели колхозов выбирали себе работников покрепче. Остальные (женщины с малыми

детством) распределялись «по приказу». Напомню, среди переселенцев было значительно больше женщин, чем мужчин. Например, в Колпашеве соотношение их складывалось как три к двум.

Сколько же их было, польских переселенцев? Точные данные существуют только для Колпашева и Белого Яра. На основании сохранившихся документов, а также по воспоминаниям самих ссыльных удалось выявить свыше 2800 лиц, сосланных в Нарымский округ. Они размещались в следующих населенных пунктах: Колпашево - 500 человек; Колпашевский район - 320; Бакчар - 100; Белый Яр - 640; Каргасок - 190; Нарым - 30; Параиль - 400; Париг - 80; Пудино - 180; Подгорное - 380; Александровское - около десяти человек.

Нам известны названия почти 80 поселков, где первоначально осели поляки, но точную численность и местоположение сосланных еще нужно исследовать.

Переселенцев размещали в сараях, сушняках, бараках. Им объясняли: «Тут вам жить, работать и умирать» и добавляли: «Кто не работает, тот не ест». Запрещалось уезжать из данного населенного пункта, а каждые 10-14 дней требовалось являться лично в отделение милиции.

Значительная часть польских переселенцев не знала до тех пор физического труда, каким им предстояло заниматься на лесоповале, разгрузке товаров, сельхозработах. Ни у кого не было необходимой рабочей одежды и обуви, а купить было негде. И кроме

того, мучали комары и мошки, а ночью клопы.

В первые дни после приезда польские ссыльные (не все!) пытались привезенным с собой запасами еды - крупой или сухарями. Но вскоре все было съедено и начался голод. Получали лишь паек хлеба - 500-800 граммов для рабочих, 200-500 граммов для инвалидов и кое-какие супы в столовых тех предприятий, где работали. Хуже всего приходилось в колхозах: там выдавали только крупу или даже зерно в зернодробильную машину. А в конце расчетного года зачастую оказывалось, что переселенцы оставались долгими.

К счастью для нас, в конце июня 1941 года был подписан договор между польским правительством в Лондоне и правительством СССР о взаимопомощи. Как следствие все заключенные и ссыльные польские граждане были амнистированы. Началось формирование польской армии под командой генерала Андерса. С сентября 1941-го переселенческие документы стали заменяться новыми, подтверждающими польское гражданство и разрешающими переселение в другие области. В центрах поселения поляков выбирались доверенные, которые получали право организовывать культурную жизнь, открывать польские школы и, самое главное, получать и распределять финансовую ивещевую помощь среди польских ссыльных. Доверенные представляли интересы польского общества перед местными властями.

Выборы доверенных стали значительным событием в жизни польских ссыльных, часто на них присутствовал представитель польского посольства майор Б. Конецки в польской военной форме. Разрешалось петь гимн «Еще Польска не згинела» и другие патриотические песни. Над домиком, в котором работал и принимал доверенный, развевался польский флаг. Все это очень поддерживало сосланных.

Доверенные приносили в Колпашево и другие пункты помочь, предоставленную населением США: одежду, обувь, а также яир, муку, изредка консервы. Конечно, этого было недостаточно для нормальной жизни, но все-такие служило поддержкой.

Доверенные распределяли и финансовую помощь, оплачивали, например, перевоз людей из отдаленных поселков в больницу или покупали добавочное питание для детей. Помощь составляла примерно 30 рублей на семью в месяц.

А это - выпускники курсов счетоводов и бухгалтеров 1943 года. Во втором ряду третий справа - Чеслав Базан. Мы и предположить не могли, что автор этой статьи и герой материала Ю.Рассамахина (переверните страницу) были когда-то знакомы. Благодаря нашему альманаху они вновь нашли друг друга.

При тогдашнем месячном заработка чернорабочего в 100 рублей это было не так мало. Но в сравнении с ценами колхозного рынка, где ведро картошки стоило несколько десятков, а потом и выше сотни рублей, помощь казалась незначительной.

С получением польских документов, отменяющих ссылочный режим, часть наиболее энергичных людей выехала к месту формирования польской армии. Большинство же не знало, куда ехать, откуда взять деньги на транспорт. Местные власти всячески препятствовали выезду поляков - ведь терялась рабочая сила, так необходимая в военное время.

Доверенные были избраны зимой сорок первого - сорок второго, а их работа полностью развернулась в 1942 году. В некоторых местностях (Колпашево, Белый Яр) были организованы польские школы, а в Томске майор Конецкий создал польский детдом и дом инвалидов. Осенью 1942-го в Томск из Нарымского округа выехали около сотни ребят и несколько десятков польских инвалидов. Дом инвалидов находился на Черемошиках, а детдом - в «спедгородке».

В течение 1942 года, несмотря на запрет переезда из одной местности в другую, существующий в то время в СССР, поляки все-таки переезжали из малых поселков в районные центры или в Колпашево - центр округа, ближе к «своим» властям и с надеждой на выезд за границу. О такой возможности говорилось потихоньку.

В действительности в апреле-августе 1942 года выехали только военнослужащие польской армии Андерса, и с ними десятки тысяч членов

семей. Многие узнали об этом лишь весной 1943 года. Газеты, радиопрограммы в то время, особенно в малых поселках, вообще отсутствовали. Так называемые «колхозники» (громкоговорители) передавали в основном сподки фронта и то, как народ работает для фронта.

Уход армии Андерса стал причиной ухудшения, а потом и срыва отношений между Польшей и СССР. Уже в июле 1942-го начались аресты польских представителей, в том числе доверенных и их помощников. В Нарымском округе было тогда арестовано не менее 15 человек, некоторых из них арестовали даже осенью 1943 года. На процессах в Колпашеве они были обвинены по ст. 58 (например, шпионаж или антисоветская агитация) и осуждены на 5-10 лет лагерей. В марте 1943 года у польских ссылочных внезапно были отобранны «польские» документы и вручены советские паспорта. Кто не захотел замены, оказался в тюрьме.

В мае 1943 года польские коммунисты во главе с Вандой Василевской создали Союз польских патриотов, который в дальнейшем выполнял роль бывших доверенных. Была организована польская дивизия под командованием Э.Берлинга. Из Нарымского округа в нее призывали две сотни (или больше) парней и девушек. Но девушек задержали большей частью в Новосибирске. Оставили работать на военном заводе. 12 октября 1943 года польская дивизия вступила в бой под г. Ленино в Белоруссии, а потом сражалась с немцами до конца - до победы в Берлине.

Надо сказать, что польская молодежь с энтузиазмом уезжала в армию, ведь это была единственная возмож-

ность вырваться из нарымских болот и оказаться ближе к Польше.

Союз польских патриотов тоже открывал школы (например, в Колпашеве), издавал книги на польском языке. Но самым большим достижением с точки зрения наших ссылочных была организация переселения «в более благоприятные районы» европейской части СССР: в Краснодарский и Ставропольский край, в Тамбовскую или Воронежскую область. Выезжали туда в конце мая 1944-го тоже в товарных вагонах, но уже с другим настроением, с надеждой возвратиться на родину.

Казалось бы, все закончилось благополучно, если не считать страданий, труда и десятков или сотен погибших в Нарыме. Однако история непредвидима! Ровно десять лет спустя, в 1951 году появились в Нарымском округе иные транспорты ссылочных-поляков из Литовской ССР, жертв «раскулачивания». Поселили их большей частью в Чанинском, а некоторых - в Васюганском районе. Количество сосланных в 50-х годах поляков пока невозможно определить.

В отличие от 41-го, новым ссылочным нельзя было рассчитывать ни на какую государственную или общественную помощь. Им помогали только родные или знакомые. По вызовам родных из Польши они смогли выехать из Сибири только с 1955 года.

Чеслав БАЗАН.
Вроцлав, Польша.

Недавно в фондах Колпашевского городского архива совершенно случайно был обнаружен любопытный документ: «Решение Колпашевского горисполкома от 25 мая 1944 года по вопросу об утверждении плана мероприятий по переселению польских граждан, проживающих в г. Колпашеве, в южные районы СССР».

Небольшие отрывочные сведения о поляках, каким-то образом попавших в наши края, встречались в архивах и ранее. В церковных метрических книгах второй половины XIX века, которые ныне хранятся в колпашевском архиве, нет-нет да и промелькнет польская фамилия, чаще всего — фамилия сыльного полка. Но этот, обнаруженный в городском архиве документ впечатляет своей масштабностью. Нетрудно догадаться, что речь в нем не о единицах или десятках, по меньшей мере о сотнях поляков! Впрочем, судите сами. В плане мероприятий по переселению польских граждан предусматривалось:

«1. Произвести полный учет по городу Колпашево всех проживающих польских граждан, проверив принадлежность их в прошлом к польскому подданству и составить списки в 3-х экземплярах.»

«2. Обеспечить выдачу рисовых карточек (отъезжающим) польским гражданам согласно спискам.

3. Организовать заброску муки на хлебопекарню и обеспечить выпечку хлеба для отоваривания рисовых карточек польским гражданам.

4. В магазине № 1 Госторга произвести выдачу единовременного пайка, согласно установленных норм постановлением СНК СССР от 5 апреля 1944 г.

5. Организовать двухразовое горячее питание в столовых № 1 и № 3 Госторга.

6. Подготовить помещение для размещения прибывающих польских граждан с районов в школах №№ 1, 5 и клубе ОСО и организовать подвозку и кипячение воды в этих помещениях.

7. Организовать жалободолженное и санобработку».

Срок исполнения этих мероприятий определялся с 25 по 30 мая 1944 года.

Дальнейшие поиски архивных документов и свидетелей позволяли выяснить, что заметный наплыв поляков в наш город относится к концу 30-х — началу 40-х годов, а массовый приток их — ко второй половине 1941 года. Это явление можно объяснить ссыл-

КОЛПАШЕВЦЫ ПОМНИЯТ

кой поляков в различные местности Нарымского края и, после начала Великой Отечественной войны, — последней реабилитационной возможностью польских граждан сосредоточиться в крупных населенных пунктах Нарымского округа, в том числе и в окружном центре — городе Колпашеве.

Параodoxально, но полякам, высланным именно в Нарымский округ, в некотором смысле даже повезло: к их массовому прибытию эта земля была настолько «напичкана» ссылыми (только в 1931 году сюда было выслано почти 200 тысяч спецпереселенцев), что поляки не могли не заметить атмосферу сочувствия к себе со стороны своих репрессированных собратьев по несчастью. И это теплое сочувствие до сих пор живо в сердцах многих поколений колпашевцев.

Так, пенсионерка Федосья Сергеевна Устюгова (девичья фамилия — Глухова, на снимке на с. 41 — во втором ряду четвертая слева) вспоминает, что в 1941 году в их дом подселили две польские семьи. Глуховы, высланные с Алтая в 1931 году, по-братьски разделили свою квартиру перегородкой на две части. В одной половине остались сами с двумя детьми, а во второй — поселились Чеслав

Базан с матерью и братишкой и Нина Покрышко (на снимке на с. 41 — в третьем ряду третья справа) со своей мамой и младшим братом.

Чесик (так звали Базана в семье Глуховых) так же как и Федосья Сергеевна, работал в артели «Кирпичник». Он подвозил на тачке замешанную глину к месту формовки кирпичей и никогда не отказывал женщинам в их просьбах поднести к обеду побольше глины, чтобы не было простоев в работе (от этого зависел заработок женщин-формовщиц).

Федосья Сергеевна до сих пор с теплотой вспоминает общение с Чесиком, с его родными и знакомыми, отмечает их исключительную тактичность, вежливость, доброжелательность. Когда же в Колпашеве открылись курсы счетоводов и бухгалтеров,

Федосья Глухова, Чеслав Базан и Нина

Покрышко дружно, все вместе поступили учиться на эти курсы.

Из архивных документов видно, что польские граждане работали на речном транспорте, нефтебазе, в леспромхозе, в окружной больнице, строительных организациях, школах, детских садах, в артелях города. Работа давала средства к существованию, позволяла пережить тяжелое военное время. Но, видимо, не все могли сами себя прокормить, и особо нуждающимся помогали представители (доверенные лица) польского посольства. В городе Колпашеве такими доверенными лицами были супруги Михалевские: Георгий Иванович и Анастасия Абрамовна.

Дети польских граждан обучались в школах. Старшие — вместе со своими колпашевскими сперстниками в общеобразовательных школах. А для младших на территории окружной больницы существовала польская школа. Руководила ею Ядвига Ивановна Михалик. Судя по сохранившимся документам, работала эта школа всего один 1942-43 учебный год. В связи с выездом польских граждан из Колпашева в мае 1944-го польская школа закрылась, а все имеющиеся учебники на польском языке были выданы на руки ученикам.

**Юрий РАССАМАХИН,
сотрудник Колпашевского
краеведческого музея.**

Польдоверенный Конецкий

БОЛЕСЛАВ КОНЕЦКИЙ был полноправным представителем посольства Республики Польша на территории нынешней Томской области в начале Великой Отечественной войны, за что и был впоследствии арестован советскими карательными органами и осужден. Но прежде всего несколько строк о предыстории судьбы Конецкого и его соотечественников, скрытой за страницами его архивно-следственного дела.

К началу войны в Казахстане и Сибири находилось несколько сот тысяч поляков, депортированных и высланных с «добровольно присоединившимися» территорий Западной Украины, Белоруссии, Прибалтики. Тысячи из них попали в сталинские лагеря. Об условиях пребывания их в «стране победившего социализма» сейчас довольно подробно известно польскому читателю, гораздо меньшие - российскому.

30 июня 1941 года между эмигрантским правительством Польши и правительством СССР было подписано соглашение о взаимных действиях против фашистской Германии. В рамках этого соглашения польские граждане, находящиеся под спецкомендатурой, в лагерях и тюрьмах, были амнистированы. Польскому правительству была предоставлена возможность формировать из их числа польскую армию, которая впоследствии бы выступила против общего врага. В рамках этого же соглашения между МИД СССР и посольством Польши была достигнута договоренность о создании представительства посольства Польши в республиках и областях СССР, где находилось значительное скопление польских граждан.

В обязанности представителей посольства входило информирование посольства о нуждах польских граждан и их положении и оказание особо нуждающимся необходимой помощи, распределение поступавшей через посольство и международный Красный Крест продононственной помощи. А также они занимались мобилизацией добровольцев в польскую армию, представляли интересы Польши и польских граждан перед местными совет-

скими властями. Назначались на должности полномочных представителей посольства, как правило, люди, способные работать и выполнять возложенные на них поручения и далеко не простых условиях.

Одним из таких представителей польского посольства в Томске и был Болеслав Конецкий, майор Войска

* * * * *
Во втором томе книги «Боль людская», где помещены тысячи фамилий людей, репрессированных в тридцатых-пятидесятых годах на территории Томской области по известной 58-й «политической статье», есть такие данные: Конецкий Болеслав Антонович 1890 года рождения, уроженец города Ожаров (Польша), проживал в городе Томске, без определенных занятий. Арестован в 1942 году. Осужден на 10 лет ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь).
* * * * *

Польского, агроном по профессии. С 1922-го по 1937 годы он работал в земельных органах уездного города Воложка, а с 1937 по 1939 год - агрономом на опытном поле в местечке Любани. В 1939 году новые советские власти Конецкого арестовали как «социальнно опасного элемента» и осудили к 8 годам лагерей. Наказание отправили отбывать в город Канск Красноярского края.

В сентябре 1941 года в соответствии с польско-советскими соглашениями он был по амнистии из лагеря освобожден. Приехал в Новосибирск, встретился с представителем польского посольства Юлианом Малиняком. Тот его рекомендовал на должность разъездного доверенного посольства по Новосибирской области, а вскоре Конецкий был назначен доверенным посольства в городе Томске.

Как свидетельствуют материалы его архивно-следственного дела и воспоминания жителя г. Троцлава Чеслава Базана, в прошлом одного из «сибиряков», находившегося в начале 1940-

х годов в Нарымском крае, Болеслав Конецкий как представитель посольства за короткий срок своей работы немало сделал для обесценивания хоть какой-то спасной жизни поляков, проживавших в Новосибирской области, в том числе и в Нарымском крае. Несколько раз, а в отдельных случаях несмотря на запреты местных властей, выезжал он в районы Нарымского округа, проводил там собрания польских граждан, вызывая их точное количество, условия жизни, трудности...

Трудностям же хватало с избытком: холод, голод, произвол и самоуправство местного начальства, запреты на все и вся... Для ослабленных от голода детей и престарелых Конецкий добивался выдачи кроме «законных» 400 граммов хлеба дополнительного питания. В отношении трудоспособных ставил вопросы перед властями об их трудоустройстве. Продукты добывались им глазным образом путем неофициальных отношений с соответствующими директорами, заведующими, кладовщиками.

Так, в своем письме в посольство 22 июня 1942 года писал, что большое содействие ему в приобретении продуктов для детей и больных оказывают местные поляки, в частности, томские, которых в городе было довольно много.

Благодаря их содействию и помощи в Томске были организованы и открыты польский детский дом и польский дом инвалидов. Дети стали учиться в школах, изучать родной язык. О всех результатах и трудностях в работе Конецкий сообщал в посольство. Например, в письме к сенатору Казимиру Кухаревскому в Куйбышев 12 июня 1942 года рассказал о тех страданиях, что переносят поляки в Нарымском округе, по его выражению - «стране ссыльных сегодня и в стране катариников при царе». И в то же время отметил, что, несмотря ни на что, моральное состояние его соотечественников так глубоко и могуче, что «наблюдал и слушая этих не-

счастных земляков, следует со всей уверенностью сказать, что в таких условиях этими людьми руководит только рука Бога...»

РАБОТАЛ КОНЕЦКИЙ самоутверждению и, очевидно, хорошо понимал всю сложность и опасность своего собственного положения. Ведь все польские граждане в СССР, а тем более представители посольства, находились под постоянным контролем органов НКВД, видящих в каждом ярком или скрытом врага советской власти, шпиона или антисоветчика. Каждое сказанное откровенное слово на собрании, в беседе или в письме, могло сразу же стать известным звездесущим органам и послужить основанием для ареста. И хотя в одном из писем доверенному посольству по Алтайскому краю Владиславу Матошко Конецкий написал, что ловушки на него со стороны «четырех букв» (НКВД - Х.В.) расставлены позде, но он их пока обходит. И все же ареста избежать не удалось.

Арестованы его 6 ноября 1942 года в Томске. Как видно из архивных материалов, «компромат» на него собирался с самого начала работы в качестве польского представителя посольства. В частности, в качестве вещественных доказательств антисоветской деятельности послужили его письма в посольство и коллеге Матошко, обнаруженные во время ареста последнего 13 июля 1942 года в Барнауле, и его свидетельские показания против Конецкого, выбитые во время допросов...

В постановлении на арест Конецкого, составленном следователем НКВД Михайловым, среди нескольких «фактов» якобы антисоветской агитации, шпионской деятельности и враждебной настроенности к СССР Конецкого есть и такие строки: «...Конецкий, прибыв в Новосибирск в ноябре месяце 1941 года, увязался с б/делегатом польской делегатуры, резидентом польской разведки Малинском Юлианом, по заданию которого в феврале-марте 1942 года выезжал в рай-

оны Нарымского округа Новосибирской области с целью активизации антисоветской работы среди польских граждан, проживающих в округе. Во время этой поездки Конецкий среди антисоветски настроенных поляков прошел ряд нелегальных сборщиков и создал повстанческую группировку с целью последующего вооруженного восстания в Нарыме...».

Материалы следственного дела Конецкого красноречиво свидетельствуют о том, что все последующие действия следователей НКВД Михайлова, Худякова, Караваева, Понова, начальника Нарымского Окружного НКВД Островляникона, окружного прокурора Климчака и его заместителя Митина, а и других сотрудников карательных органов были направлены на доказательство уже заранее определенных формулировок обвинения.

И в первую очередь следователи НКВД, как видно, добивались признательных показаний о существовании будто бы в Нарымском округе польской повстанческой организации.

Добиваясь нужных от Конецкого показаний, они использовали против него широко применяемые в своей практике методы воздействия: почти ежневныеочные допросы, пытки бессонницей, допросы с пристрастием, оскорблений и другие приемы. Собирали угодные «свидетельские показания» путем запугивания и шантажа некоторых его соотечественников, арестовали и стали с таким же пристрастием допрашивать тех, кого решили определить в «сообщники» Конецкого.

Так, в окружном городе Колпашево и рабочем поселке Тогур Колпашевского района были арестованы десять польских граждан, которые, по мнению следователя НКВД, и составляли ядро якобы действовавшей в Нарыме польской повстанческой организации.

В числе арестованных были представитель польского посольства по го-

роду Колпашево - Людвиг Мичкевич, его секретарь Вероника Байрашевская и кассир София Панасюк, доверенный посольства по поселку Тогур Александр Адамович, братья Николай и Марьян Матвеевы, мать семерых детей, и прошлом учительница польского языка Станислава Кубисек.

Вместе с ними были также арестованы бывший варшавянин, сын посольственного Георгий Свитай, а также польские граждане Казимир Пшедельский и Семен Пудловский.

Для корректировки допросов обвиняемых и проведения очных ставок Болеслава Конецкого в середине января 1943 года доставили из новосибирской тюрьмы в Нарымский ок-

ружной отдел НКВД, где изнуряющиеочные допросы его и других арестованных возобновились с новой силой.

По-разному вели себя эти люди на допросах. Одни через некоторое время, не выдержав пыток, подписали полностью или частично выдвинутые против них обвинения и называли «сообщниками», другие, несмотря ни на что, продолжали упорствовать и отрицать предъявленные обвинения, не называли фамилии тех, кому это могло помешать.

Болеслав Конецкий был одним из тех, кто выстоял до конца. Далось ему это, как видно, большой ценой. Так, в акте медицинского освидетельствования заключенного Конецкого от 26 февраля 1943 года говорится, что у него на ногах, лице, верхних конечностях видны сильные отеки...

Развив бурную деятельность по делу Конецкого, следователи Нарымского НКВД допросили десятки «свидетелей и очевидцев» антисоветской работы Конецкого и его товарищей, выявив новые имена и фамилии яко-

бы их сообщников и соучастников. Таким образом, «дело» Конецкого втягивало в свою орбиту новых жертв.

Однако, чтобы побыстрее отрапортовать о выполненной работе по делу уже арестованных и не просить очередного продления срока так называемого следствия, оперуполномоченный Нарымского НКВД Карапаев и его непосредственный шеф, начальник контрразведывательного отдела Филимонов 24 февраля составили постановление, по которому все дополнительные следственные материалы в отношении лиц, якобы причастных к деятельности польской антисоветской повстанческой организации (договорительно, кроме II арестованных ранее,

ся). Святой, Байровшевская и Адамович. Проводил сборища полков, на которых велись антисоветские разговоры и давались указания по антисоветской и шпионской работе. Лицо собирая шпионские данные об экономическом и политическом состоянии Нарыма, на основании которых составляла ложные данные для польского посольства, то есть признавалась виновным в преступлениях, предусмотренных статьями 58-2, 58-6, 58-10, ч. II и 58-11 УК РСФСР...».

ЧИТАЕШЬ ЭТИ СТРОЧКИ

обвинительного приговора, сочиненные в 1943 году, и тут же вспоминают в памяти почти слово в слово похожие строки обвинительного заключения на двух своих детей, коренных жителей Нарымской земли, расстрелянных в 1938 году в этом же Колпашеве за принадлежность к якобы действовавшей тогда в Нарымском округе польской контреволюционной повстанческой организации. Объяснение простое: те бумаги в 1937-1938 годах и эти в 1943 году сочинялись одними и теми же головами, писались той же рукой...

Однако шел уже не 1937 год. Прокурор в обвинительном заключении не требовал в отношении обвиняемых смертного приговора, «ограничившись» сроками тюремного заключения от 8 до 15 лет. «Особое совещание» НКВД, решавшее судьбу Болеслава Конецкого и других, на своем заседании 18 декабря 1943 года тоже не требовало крови подсудимых. Более того, предложенные сроки наказания снизило всем на 3-5 лет. Так, Болеслав Конецкий получил 10 лет заключения в советских лагерях вместо предложенных прокурором 15. Неизвестно о том, как воспринял он и его товарищи такой исход дела: радовались или отнеслись к такому «подарку судьбы» безразлично. В любом случае всем предстояло на несколько лет стать «жителями архипелага ГУЛАГ», откуда выхода никто не гарантировала.

Болеслава Конецкого как особо опасного преступника отправили в особый лагерь № 7 МВД СССР, что находился в городе Тайшете. Непо-

сильная работа окончательно подорвала здоровье бывшего польсоверенного, «подпорченное» следователями НКВД. К половины отбытия срока он уже не мог физически выходить на общие работы и был списан в инвалидную команду.

В 1950 году парализовало руку и ногу, резко ухудшились зрение и слух. И вот за два месяца до окончания срока заключения лагерная медицинская комиссия признала национер-то Конецкого «стойким инвалидом, не могущим обеспечить себя материально». Учитывая, что лагерное начальство решило, так сказать, позаботиться о будущем узника, направив представление в Особое Совещание при МГБ СССР на предмет освобождения заключенного Конецкого от предстоящей ссылки на поселение и передачи его в инвалидный дом под надзор органов МГБ. Целых 6 лет провел Конецкий в этом доме инвалидов - свалке полу живых «доходов».

В АРХИВНОМ «ДЕЛЕ» отсутствуют сведения о том, кто и когда отыскал следы Конецкого, кто требовал депатриации его на родину. Возможно, что это были его дочери Иrena и Халина или жена Мария. В бумагах лишь сообщается, что 9 января 1958 года Конецкий был депатриирован в Польшу. Но так ли это? Существуют отрывочные сведения о том, что с ним было дальше. Чеслав Базыль слышал о том, что Конецкий в 60-е годы проживал в городе Вроцлаве, но более точные сведения о его дальнейшей судьбе установить не смог.

Неизвестно также, донесли ли он до своей реабилитации, которая произошла 31 июля 1964-го в результате пересмотра уголовного дела за № 3126. Да и нужна ли была Конецкому эта реабилитация, проведенная тем же военным трибуналом, прокурор которого в 1943 году требовал для него сурового наказания?

Человек выполнил свой долг, спасая детей от голодной смерти, и те, сейчас уже сами старики, вспоминают о нем с благодарностью. Можно ли сказать большего?

Василий ХАНЕВИЧ.
г. Томск.

ВО ВРЕМЯ РАБОТЫ в посольстве Республики Польша в Москве, мне часто приходилось путешествовать по Сибири. Пользуясь возможностью, хочу сердечно поблагодарить Сибирь и сибиряков за хорошие приемы и теплые встречи. Во всех городах, где побывала, я встретила взаимопонимание, открытые сердца и сибирское гостеприимство. Такие отношения, такие люди, такие встречи возможны только в Сибири. Когда летишь на самолете и пересекаешь Урал, сразу чувствуешь, что

ты будто в другом мире и что где бы самолет ни приземлился, где и всегда примут тебя, примут хорошо, с искренней улыбкой. Тепло таких встреч я почувствовала только в Сибири. Это, думаю, только Сибирь и сибирякам присущий феномен, который надо почувствовать и пережить. Вопреки суровой природе и суровому климату, Сибирь встречает очень тепло.

В большой семье сибиряков есть и поляки и потомки поляков, судьбы которых переплетены и тесно связаны с Сибирью. Польской диаспоре в Сибири, в том числе и в бывшей Томской губернии, уже 400 лет. Были трагические моменты в нашей истории, когда поляков в кандалах отправляли на каторгу и в ссылку в сибирские края. Всех пропавших, погибших, расстрелянных никто уже не сочи-

тает, не найдет их могил. Эти картины истории очень сильно запечатлелись в сознании и памяти каждойпольской семьи и передавались из поколения в поколение, т.к. долгое время нельзя было открыто об этом говорить. Эти трагические годы коснулись многих народов и многих наций, особенно сильно пострадал русский народ.

Но поляки прибывали в Сибирь и добровольно в поисках работы и лучшей жизни. Много польских сел и поселков возникло в Сибири в начале XX

века после реформы Столыпина. Много такого было в Сибири польских ремесленников, владельцев фабрик, шахт, магазинов и ресторанов. Поляки внесли большой вклад в развитие многих областей науки, истории и культуры Сибири. Сейчас об этом публикуются статьи, выходят в свет журналы и книги, создаются научные труды.

Теснее становятся связи между вузами Польши и Сибири. Существует обмен, правда, пока небольшой, между стажерами, аспирантами и докторантами обеих стран. Во многих вузах и школах Сибири изучают польский язык.

В последнее время в Российской Федерации возникают (регистрируются) польские культурно-просветительные организации и общества. Таких центров уже много. Их члены хотят возвратить культуру и традиции предков.

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

</div

налаживать контакты с исторической родиной, как говорят о Польше, изучать родной язык. Хотя родной он на самом деле только в смысле кроны, а по форме изучения чаще всего это уже иностранный язык. Членами польских культурных обществ являются не только поляки, а также просто любители польской культуры, языка, польского кино, музыки, книги.

Польша открыта на предложения сотрудничества в области науки, культуры, просвещения. В Польше есть общественные организации «Вспомогательная Польша», а также фонд им. Гонсевича, которые поддерживают связи и налаживают контакты с поляками во всем мире. Поляков, живущих за пределами своей родины, около 30 миллионов - по количеству почти еще одна страна. Самая большая польская колония живет в Соединенных Штатах Америки, Канаде, Австралии.

Общество «Вспомогательная Польша» организует различные летние культурные мероприятия для поляков из других стран, в том числе из бывшего Советского Союза. Это фольклорные курсы танцев и песен, этнографические курсы, туристические, спортивные, летние оздоровительные лагеря для детей и молодежи, методические курсы польского языка для учителей и другие. На основании подписанных договоров между Министерством просвеще-

ния Польши и Министерством образования России в Польше могут учиться студенты из Российской Федерации. В Россию могут приезжать (если существует такая потребность и если к нам обращаются с такой просьбой культурные центры или просто желающие изучать польский язык) учителя из Польши, методически подготовленные к преподаванию польского языка как иностранного для детей, молодежи и взрослых.

Вернувшись еще к моим встречам с Сибирью. В Сибири очень большой научный, интеллектуальный, артистический потенциал. Здесь живут очень способные люди. Меня всегда поражали жители сел и городов, которые на русском, на польском, часто на смешанном польско-русском языке говорили прямо стихами, играли на различных инструментах и у многих были проникновенные профессиональные голоса - такое явление в повседневной

жизни присущее только Сибири. В последние годы проходили во многих городах Сибири и на Урале (Иркутске, Новосибирске, Красноярске, Томске, Нижнем Тагиле и других) Дни польской культуры. Это были настоящие праздники дружбы и взаимопонимания. Встречи с властями городов, трогательные разговоры с жителями поселков надо долго останутся в моей памяти.

Людмила МОРАВСКА-УХРЫН.

* * * * *

CENTRALNY GRODZIEK DOSKONALENIA NAJCZYSCIE

Diplom

przyznaje

Pani Małgorzacie Stępkie

wyróżnienie

w konkursie dla nauczycieli
zatrudnionych do pracy dydaktycznej
w dyrektorach Państwowych na Wschodzie
nauczycieli, prowadzących lekcje wiersz

za pracę "Moja przygoda z Syberią"

Wrocław, dnia 1 kwietnia 2007 r.

рук казаков, или от жестоких морозов, от волков. И о том, как в конце концов ему удалось бежать благодаря помощи многих обыкновенных русских людей: охотников, крестьян, купцов. Он пришел в Польшу пешком. Его путешествие длилось полгода.

Слушая эти рассказы, я видела тайгу, засыпанную снегом, между деревьями глаза волков, которые сияют ночью как фонари, я слышала вой пурги, покрикивания казаков на лошадей. Видела я также дома, засыпанные снегом до самы

НАША СПРАВКА. До недавнего времени автор статьи, пани Люцина, была вторым секретарем посольства Республики Польша в Москве, а сейчас она работает на родине, в Министерстве иностранных дел.

крыши, хороших людей, которые помогали моему дедушке. Эта картина Сибири осталась в моей памяти навсегда.

Чуть позже, в средней школе и университете, я старалась много читать о Сибири, смотрела фильмы. И хотя, например, фильм «Михаил Строгов - царский курьер» был только красивой сказкой, на меня он произвел большое впечатление и оставил глубокий след в моей душе.

А когда министерство образования в Польше объявило набор кандидатов для преподавания польского языка в странах СНГ, я решила воспользоваться шансом. Без сомнений я выбрала предложение из Томска. Моя мечта о Сибири стала сбываться.

Никто в Польше (даже министерство, которое отправило меня сюда) не смог ничего сказать о Томске. Когда я уезжала, я знала только, где находится Томск, и в энциклопедии прочитала краткую информацию о городе. Ехала в неизвестное, но это меня не пугало. Но если бы я полетела на самолете, я была бы лишена незабываемых впечатлений. В поезде «Москва-Томск» я поняла, что наконец-то началось путешествие мечты моего детства. На бумаге невозможно передать всех впечатлений, которые я испытала. Была трогательной встреча с Волгой. Мысли мои переносились в детство, когда я часто смотрела на карту

России и видела берег этой реки. Тогда я мечтала о том, чтобы в моей жизни наступил день, когда я увижу Волгу собственными глазами. Гляди на прекрасную, широко разлившуюся Волгу, я почувствовала, что мое сердце стало биться быстрее, а в глазах появились слезы. Я восхищалась красотой и богатством русской земли: Уральские горы, покрытые до горизонта зеленою синевой травой, степь со стадами коров, овец, лошадей. Оказавшись в Томске, я встретила приход зимы, но морозы показались мне не очень страшными. Зима со своим снегом и морозами представила мне весь мир в ином свете. Никогда я нигде я не видела столько снега. Хотя томские друзья убеждали меня в том, что такой теплой зимы еще здесь не было.

Меня не так легко растрогать, но Сибирь и этот раз победила меня. Я увидела реку Обь. Когда я находилась на ее берегу, она была скована льдом. Люди ходили по льду, кто-то ловил рыбу в проруби. Всё вокруг было покрыто красивым белым снегом. Всюду таинственная и суровая прекрасная природа. Я знаю точно, по крайней мере я так думаю, как иностранка, что Обь - это сердце Сибири, а березы - это неотъемлемый элемент русского пейзажа, души России, которая в них живет.

Малгожата СТЕМПКА.

Сибирская
старина

47

Польские национальные центры и общества Сибири и Дальнего Востока

АБАКАН - «*Polonia*» - 662619, ул. Ленина, 67, наб. 102, п/п 717.

Факс: (8-39172) 64060, тел.: (8-39172) 67059.

Руководитель: Сергей Леончук, Клара Романова.

БАРНАУЛ - СРК - 656049, пр. Красноармейский, 71, кв. 60.

Тел.: (8-3852) 266218.

Руководитель: Владислав Бубнович.

БИЙСК - «*Bialy Orzel*» - 659301, ул. Памирская, 1.

Тел.: (8-3854) 717545.

Руководитель: Николай Фомин.

ВЛАДИВОСТОК - «*Smola*» - 690091, ул. Петра Великого, 6, музей.

Руководитель: Мирослава Ефимова.

ИРКУТСК - «*Odpisow*» - 664003, ул. Двержинского, 29, кв. 7.

Тел./факс: (8-3952) 223936.

Руководитель: Евгений Вржаш.

КАНСК - СРК - 663605, ул. Аэродромная, 39.

Тел.: (8-39161) 22560.

Руководитель: Ирина Якушевская.

КРАСНОЯРСК - «*Dom Polski*» - ул. Кошевого, 70, кв. 100.

Тел./факс: (8-3912) 452859.

Руководитель: Броислав Западский.

НОВОСИБИРСК - «*Dom Polski*» - 630016, ул. Депутатская, 60, кв. 169.

Тел.: (8-3832) 223672.

Руководитель: Ирина Хрулева.

ТОМСК - «*Bialy Orzel*» - 634063, ул. Мичурина, 59-а - 18.

Тел./факс: (8-3822) 781178, тел.: (8-3822) 737614.

E-Mail: mstebn@mtstebn.trecom.tomsk.su.

Руководитель: Василий Ханевич.

ТОМСК - «*Dom Polski*» - 634041, п/п 270.

Тел./факс: (8-3822) 216222.

Руководитель: Раиса Квеско.

ТИОМЕНЬ - «*Latarenik*» - 625048, а/и 2008.

Тел./факс: (8-3452) 26-40-53.

Руководитель: Генрик Фиаль.

ХАБАРОВСК - «*Dom Polski*» - 680009, ул. Демьяна Бедного, 27, кв. 85.

Тел.: (8-4210) 378843.

Руководитель: Станислав Ермак.

УЛАН-УДЭ - «*Nadzieja*» - Ул. Ербанова, 6, кв. 9.

Тел.: (8-30122) 41037.

Руководитель: Валдия Соколовский.

УСОЛЬЕ-СИБИРСКОЕ - СРК - 665470, ул. Толбухина, 40, кв. 9.

Тел.: (8-39543) 32928.

Руководитель: Мария Чернышова.

ЯКУТСК - «*Polonia*» - 677000, ул. Ленина, 17, кв. 41.

Тел.: (8-41122) 20635.

Руководитель: Валентина Шиманская.

Уважаемый
читатель
«Сибирской
старине»!

Как Вы смогли винчио убедиться, тема, предложенная Вам альманахом в этом номере, весьма широка, многослойна и... недостаточно изучена историками и краеведами.

Все эти слова в полной мере относятся и к истории поляков в Томске, одном из самых старых городов Сибири, где история польской колонии неразделена с историей самого города с первых лет своего существования.

Совсем скоро томичи будут отмечать 400 лет своих любимых Сибирских Афин. Готовимся к этому юбилею и мы, члены томского Центра польской культуры «Ожел Бялы». Группа историков и энтузиастов нашего центра приступила к подготовке биографического словаря «Поляки в Томске: 400 лет». Как мы предполагаем, это будет книга биографических статей и справок, повествующих о жизни в Томске поляков и лиц польского происхождения, их вкладе в экономическую, культурную, научную, политическую и другие сферы жизни нашего города.

Реализуя этот проект, мы намерены включить в указанное издание биографические сведения, фотографии, иллюстрации - данные о людях, не только широко известных томичам, но и не заслуженно забытых. Намерены поместить сведения о людях прошлых поколений и наших современниках.

Ставя перед собой такую задачу, мы прекрасно понимаем, что без Вашей помощи, уважаемый Читатель, мы подобный проект осуществить не сможем. Поэтому обращаемся к Вам с предложением сотрудничества в форме спонсорской помощи, практических советов, предоставления сведений о жизни или пребывании в Томске известных Вам лиц польской национальности или поляков только по происхождению.

Уверены, что общинам с Вами усилиями мы сумеем сделать хороший подарок себе и нашему любимому городу Томску к его славному юбилею.

Председатель правления ЦПК
«Ожел Бялы»
Василий ХАНЕВИЧ.

(Окончание. Начало на 2-й странице обложки).

Правда, все не так просто и одномерно.
Вспомним стихи Тютчева, сложенные после подавления польского восстания
против владычества России (1831 г.):

*Так мы нал горестной Варшавой
Удар свершили роковой,
Да купим сей ценой кровавой
России цельность и покой.*

Поэт уверял, что русских одушевила мысль «грозой спасительной примера державы цельность соблюсти». А что одушевляло век спустя нашу красную Конармию? Признаюсь, мне никогда не было досадно наше поражение под Варшавой в 1920-м, наоборот, я совсем нешатриотично был на той стороне.

Однако, если уж на то пошло, и поляки были в Москве в 1612 году не как добрые гости. Боже, как все перемешано...

Но вот - близкое, кровное, через себя. К началу 80-х стало просто невмоготу душно в отечестве нашем. Решили добиться какого-то небывалого бетонного единства, что ли. Всех «отцепенцев» повыловили, посажали, повысыпали за кордон. Тут тоже не пинки. Мало того, даже чтением стали управлять: это можно, а это - нельзя, а за это даже и посадим. Паскудино, муторно.

И тут взошла звезда «Солидарности». Это гордое звучное имя профсоюза рабочих Гданьска, возникшего без разрешения государства и ставшего реальной силой, сделалось нашим паролем.

Мы с понятным волнением следили за противостоянием «Солидарности» и власти. Такого еще не было! Вдруг родилась надежда, что это - начало, что должна же когда-то развалиться бесчеловечная тоталитарная система.

Помню, зимним вечером мы - тогда изгнанные со своих рабочих мест и жившие случайными заработками - вышли за победу Валенсы: «Еще Польска не сгинела!». А дни через два в Польше было введено военное положение.

Шесть лет назад в Питере, на международной правозащитной конференции, я впервые увидел рядом живых поляков. Тогда в перерыве я подошел к пожилому человеку со значком «Солидарности» и спросил, опущали ли они какую-то моральную поддержку отсюда, из России.

- Да что вы, - возразил он. - Мы все боялись ваших танков. Ну и о каком же доброжелательстве мечталось нашим туристам? Или они ждали подтверждения лозунгу, заявленному на обложке рекламного проспекта «Польша - страна друзей»?

Может быть, мы действительно постепенно станем друзьями. Теперь люди общаются без комсомольско-партийного присмотра. Значит, можно разглядеть просто человеческое друг в друге. А трагический опыт истории у нас общий.

Вот и у Булата Окуджавы в посвящении Агнешке Осецкой:

*Мы связаны. Агнешка, давно одной судьбою
В прощанье и в прощеньи, и в смехе и слезах...*

* * *

На музыкальную тему Северина Краевского «Uciekaj moje serce»
к фильму «Jan Serce»:

*Все будет глуше, но свободней, как ни странно.
И звуки тьмы придут на смену звукам дня.
Тропой мучительной любви
Они кочуют по крови,
И не оставят никогда уже меня.
Там ветер спит в стогу.
Там губы щипут губ.
Но слов, пожалуй, не разобрать на бегу.
Зеленым пламенем нас осеняет лето,
И все цветы его лежат у наших ног.
И там, где плачет вода,
Уже я знаю: никогда.
Я никогда уже не буду одинок.
Где ветер спит в стогу.
Где губы щипут губ,
Но слов, пожалуй, не разобрать на бегу.*

В
л
а
д
и
м
и
р
К
Р
Ю
К
О
В

Торунь -
город Коперника

П
л
е
н

Zbigniew Cybulski

П
о
л
о
н

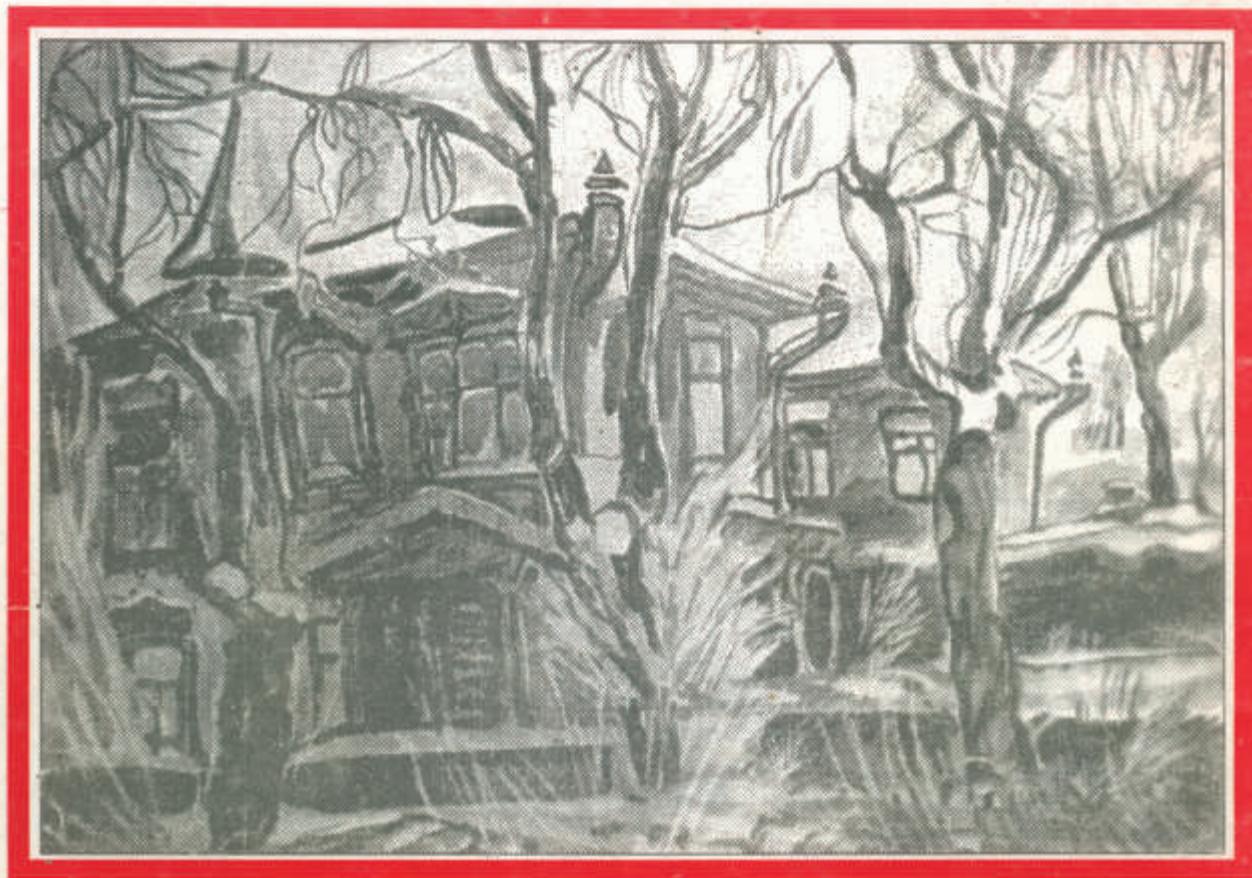
Памятник Ф.Шопену

и
и

Beata Tyszkiewicz

Отпечатано ТОО «Талер»
(г. Томск; ул. Белинского, 62).
Тираж 2000.

